

#Карта Иоко

Автор:

Варвара Еналь

#Карта Иоко

Варвара Николаевна Еналь

#ONLINE-бестселлер

София считает себя невезучей. Ее лицо портит отвратительное родимое пятно. Она живет с мачехой, которая настраивает отца против дочери. Она влюблена, но ей не отвечают взаимностью.

В один особенно неудачный день к Софии попадает карта, с помощью которой можно вызвать черного колдуна Иоко. Если верить легенде, колдун способен дать ответ на три любых вопроса. Древняя магия срабатывает, но София совершает ошибку, и Иоко забирает ее в страну Безвременья, чтобы доставить к своему таинственному Хозяину.

В чужом и жутком мире, населенном призраками и чудовищами, смерть поджидает за каждым поворотом. Главное – не сходить с синей дороги...

Варвара Еналь

#Карта Иоко

© В. Еналь, 2017

© Shutterstock, Inc., фотография на обложке, 2018

* * *

#Глава 1

1

Тот день с самого начала выдался неудачным. Иногда так бывает – с утра не заладится, и дальше начинаются сплошные неприятности.

Собираясь в школу, я обнаружила, что не могу найти наушники. Осмотрела все ящики в столе, поискала под кроватью, откатила стул от компьютера. Даже под шкаф залезла и заглянула в старые кеды – вдруг туда завалились.

Все напрасно. Новые вакуумные наушники ярко-красного цвета будто испарились. Я, конечно, так легко сдаваться не собиралась и попробовала вспомнить, где же видела их в последний раз. На ум приходил только вечерний поход в магазин за хлебом и печеньем. Это было около девяти вечера, солнце почти село, и в серых сумерках так хорошо звучали композиции Пентатоникса и Адама Ламберта.

Когда рассчитывалась на кассе, пришлось сунуть наушники в узкий карман джинсов. Может, кто-то стащил их, а я и не заметила?

У кассы я встретила подругу, Нику Лескову, и она принялась трещать без умолку, как будто за целый день не могла ни с кем и словом перекинуться. Она рассказывала о сериале «Сверхъестественное», который тянется вот уже несколько лет и все никак не закончится, о том, как долго красила утром ресницы и внезапно заметила, что один глаз больше другого, как писала сложное изложение по русскому – другими словами, несла полную чушь.

Мне оставалось только слушать и вежливо поддакивать, потому что Ника не давала и слова вставить в свой бессмысленный монолог.

Вот тогда, видимо, когда я отвлеклась на Нику, мои наушники и пропали. Может, вывалились, а может, кто и утащил.

И что самое обидное – своих денег у меня не будет, как минимум, еще две недели. Отец не даст, а мама присылает только раз в месяц, и до ее перевода надо ждать как раз дней четырнадцать-пятнадцать. Придется ходить без музыки. Ну, разве это справедливо?

А с утра еще и мачеха раскричалась. Почему это я не помыла посуду, и что за крошки на столе? Как будто я одна завтракала. Я вообще хлеб не ем, и тем более с маслом. Я завтракала молочной кашей, а крошки оставил отец, когда спешил на работу.

Только отцу она почему-то ничего не говорит, только щебечет вокруг него – дорогой да дорогой...

Слушать противно.

Зато я всегда оказываюсь грязной лентяйкой и жуткой копушей.

Мне, конечно, нетрудно вымыть после себя тарелку и кружку, это же пустяки на самом деле. Но сейчас я уже потратила время на поиски наушников и большая стрелка на моих ручных часах упрямо ползла к цифре шесть, а это значит, самое время шнуровать кеды, вешать на плечо рюкзак и бежать в школу. Иначе могу опоздать.

А мачеха все не унималась. Встала в коридоре около обувной тумбы и едко поинтересовалась:

– Значит, грязную посуду мне оставляешь? Или кто, по-твоему, должен ее мыть? Может, тетю Клаву позвать с первого этажа?

Каждый раз она начинает нести какой-то бред.

– Что молчишь?

– В школу опаздываю, – бросила я в ответ, поднялась, сунула в карман телефон без наушников и выскочила за дверь.

Я не ругалась с мачехой – или с Олей, как я называла ее в глаза. Я вообще не умела ругаться. В самые напряженные моменты язык у меня словно прилипал к нёбу, а в голове становилось пусто и гулко. И ни одной умной фразы не придумывалось, только щеки горели и слезы наворачивались на глаза. Другими словами, когда надо было с умным видом сказать какую-нибудь гадость, я принималась рыдать, икать, краснеть – то есть вела себя как полная идиотка.

Поэтому и в тот день я просто выскочила за дверь и бегом спустилась по лестнице, перепрыгивая через ступеньки. Ничего, помоет Оля свою посуду, не переломится. Все равно сидит дома и ничем серьезным не занимается, только водит по всяким кружкам и песочницам своего сына – моего младшего сводного брата Валерку. Ему едва исполнилось четыре года, противный такой маленький нытик, которого постоянно баловали, все ему разрешая.

Но Оля видела в нем кучу разных талантов и просто захлебывалась похвалами.

«Валерик потрясающе рисует, ты посмотри, Витя! Валерик очень тонко чувствует музыку, видишь, как двигается! У Валерика наверняка высокий ай-кью, он сегодня собрал целый пазл из десяти деталей».

Витя – это мой отец.

На самом деле особых талантов у моего брата не наблюдалось – на мой взгляд, конечно. Практически все дети умеют рисовать головастых человечков с ручками-палочками, солнышко с лучиками и кривые машины с овальными колесами. Про пазлы я вообще молчу – Валерка часами тупо сидел над ними, и в итоге Оля складывала за него половину картинки. Все собранные братом пазлы клеились на кусочки оргалита, вставлялись в рамку и оказывались на стенах коридора и кухни, так что куда бы я ни взглянула, всюду натыкалась на творчество младшего братца.

Зато моих картин Оля не вешала нигде, хотя я уже третий год училась в художественной школе, занимала призовые места на городских художественных конкурсах и каждый год рисовала плакаты в школе на всякие праздники и мероприятия.

Оля считала, что это обычное дело, когда школьница чем-то занята.

Все лучше, чем сидеть на скамейке с бутылкой пива, так что пусть лучше рисует. Девочка она ленивая и медлительная, рисование очень подходит ей по характеру. Может, станет художником-оформителем, когда вырастет. Будет оформлять витрины в магазинах, это сейчас востребовано.

Такие речи я частенько слышала по вечерам из комнаты отца и мачехи. Я не подслушивала – просто Оля никогда и не скрывала, что терпеть меня не может. Потому что я – чужой ребенок, не ее доченька. У нее есть сын, и этого ей вполне достаточно.

Я не обижалась, потому что слышала подобное с детства и успела привыкнуть. Моя настоящая мать ни одного дня не жила с моим отцом. У них была случайная связь, когда они учились в одном институте в одной группе. От этой связи моя мама забеременела, и оказалось, что ждет двойню.

К тому времени когда родились мы с сестрой, мама познакомилась с человеком, который предложил ей выйти за него замуж, несмотря на двух малышей, и после свадьбы увез маму и сестру в Америку, где у него жил и работал брат. Вот так мама и оказалась на другой стороне планеты.

Отец сначала воспротивился тому, чтобы мама увозила его детей. Мы с сестрой носили его фамилию и были записаны на него – он оформил документы по усыновлению. А потом они с матерью, договорившись, поделили детей. Я досталась папе, а сестра Юля, которую теперь называют Джулией, улетела на Запад.

Вот так и вышло, что сестру и мать я видела только на снимках в «Фейсбуке» и во «ВКонтакте» и общалась с ними по скайпу.

Я не обижалась, понимая, что вообще отличаюсь потрясающей невезучестью и по-другому просто быть не могло. Возможно, когда мы с Юлькой были еще в материнском чреве и добрые феи раздавали нам судьбу, на мне эти волшебницы решили сэкономить и выделили только крохотный кусочек удачи. А может, и его не выделили.

Ольга, когда злилась на меня, всегда кричала, что понимает, почему даже родная мать от меня отказалась. Вслух она не произносила самого главного, хотя все в доме понимали, что она имела в виду.

На самом деле я – уродина. И отец взял меня из милости. Я к этому привыкла, знаю, что папа любит меня и жалеет, но ему приходится много работать и у него есть жена – моя мачеха Ольга. И он обязан уделять ей внимание.

Есть и маленький сын, с которым надо заниматься, читать книжки, смотреть мультики и собирать лего. И потому на меня времени вообще нет. Да, может, ему и не нравится смотреть на мое лицо и вспоминать, что однажды у него была случайная связь со студенткой... Возможно, он жалеет, что не воспользовался презервативом, или представляет, какой была бы его жизнь, если бы моя мама забрала с собой обеих девочек.

Не знаю. Вслух они ничего такого не говорили, конечно же. Но иногда я его понимаю.

У меня отцовские глаза – серые, с темным ободком вокруг радужки и темно-русыми ресницами. И его брови – четкие прямые линии, подчеркивающие глаза. Прямой нос с тонкими ноздрями, круглый подбородок, более нежный и мягкий, чем у отца. Небольшие уши, красивая тонкая шея. В общем и целом я была бы вполне симпатичной девчонкой, если бы не родимое пятно на левой щеке.

Как безобразный коричневый континент, оно расползлось в самом центре и возле уха заканчивалось небольшой родинкой – финальной точкой. И каждый, кто смотрел на меня, видел прежде всего это пятно. Оно бросалось в глаза, буквально кричало о себе и, словно дьявольская отметина, вычеркивало меня из списка нормальных, обычных людей. Оно делало меня особенной. Необычной. Странной.

Особенной – необыкновенной уродиней.

Сколько я уже слышала в свой адрес разных «комплиментов», не сосчитать. Я к ним привыкла, даже научилась не обращать внимания на трехлеток, тыкающих в меня пальцем и спрашивающих у своих мам, а что это у девочки за грязь на лице.

Я научилась не замечать пристальных любопытных взглядов разных бабушек, которые иногда принимались давать чудесные советы – помазать соком чистотела, пойти в полнолуние на перекресток и кинуть за спину хлебный мякиш, перемешанный с паучьим пометом, поцеловать на кладбище самую заброшенную могилку и тому подобное. Один раз даже посоветовали пописать на лицо. Интересно, как надо исхитриться, чтобы совершить столь умное действие?

Я перестала отворачиваться, краснеть и плакать по ночам. Впрочем, что же я вру? По ночам иногда плачу, но уже не так горько и надрывно. Я смирилась с тем, что я – уродина.

Меня грела сокровенная мечта: вырасти, накопить денег и убрать уродство со своего лица, чтобы стать нормальным человеком, таким, как все, стать частью человеческого общества, какого-нибудь коллектива, иметь настоящих друзей, которым была бы интересна я сама, а не возможность списать у меня домашнее задание и получить подсказку на самостоятельной работе.

А пока что я жила в собственном мире – одна со своими рисунками. Их было очень много, и разных. Я рисовала каждый день. В то время как мои ровесницы встречались с мальчиками, ходили в кино и кафешки или просто зависали во дворах, играя в карты или катаясь на великах, я часами просиживала за письменным столом у себя в комнате, создавая свои особенные миры.

Некоторые мои картины оказались пророческими, но об этом чуть позже. Потом.

Сначала хочу рассказать о дне, когда все началось.

2

В то утро на меня валились сплошные неудачи. Едва я оказалась на первом этаже нашего дома, как под ноги мне кинулось что-то мохнатое и черное. Я споткнулась и едва не полетела вниз носом вперед, и если бы все же грохнулась, наверняка угодила бы переносицей в ребро ступеньки.

Я чудом удержалась, вцепившись в перила и чиркнув локтем по белой стене, оглянулась и увидела черную кошку Машку, которая, запрыгнув на почтовые

ящики, смотрела на меня так, словно хотела упрекнуть в неловкости.

Вы верите в плохие приметы? Ну, в то, что черные кошки приносят неприятности?

Вот и я не верила, и потому не обратила на Машку никакого внимания. Если бы я знала тогда, чем все закончится, точно вернулась бы домой, вымыла посуду и заявила бы, что болит голова и мне нездоровится.

Но тогда я ни о чем не догадывалась.

В тот день само мироздание предупреждало меня, что надо быть осторожной и внимательной, только я не услышала его.

Уроки в моей школе начинались ровно в восемь, а сейчас было без двадцати – время, когда я выхожу из подъезда. До моей школы рукой подать и даже ближе – плюнешь с балкона и попадешь в школьный двор. На уроки я, на самом деле, никогда не опаздывала, мне хватало и пяти минут, чтобы добежать до класса.

Дело было не в уроках, а совсем в другом. Обычно я задерживалась ненадолго возле многочисленных киосков, где продавали булочки, колбасы, йогурты и сладкие сырки. Заодно покупала себе что-нибудь перекусить на обед – например, «Данон», обезжиренный, в пластиковой бутылочке, или «Чудо» с кусочками персика. Йогурты я особенно любила в те времена.

Игорь появлялся тут без пятнадцати восемь. В этом году он старался не опаздывать – выпускной класс все-таки. Он переживал из-за оценок, из-за предстоящих тестов и уже сейчас скрупулезно подсчитывал сумму баллов в будущем аттестате.

Игорь собирался поступать на юридический факультет.

Мы с ним не созванивались и не договаривались о встрече, потому что нас ничто не связывало – мы не встречались и он не был моим бойфрендом. Наши отношения скорее можно было назвать просто дружбой, но я и этому радовалась. Я дружила с ним еще с начальных классов.

Так вышло, что сначала мы сидели за одной партой, потом он пересел, но по-прежнему временами шутил со мной, перебрасывался парой общих фраз и – что самое главное! – ни разу не обозвал пятнистой, меченой, страхолюдиной или Миской (моя фамилия Мисникова, и последнюю пару лет в классе меня называли не по имени, а дурацкой кличкой Миска).

Каждый день я старалась выйти пораньше, чтобы встретить его у киосков, сделав вид, будто это случайно, будто просто покупаю для себя йогурт (а так оно и было, в общем-то), и вместе с ним дойти до школы. В эти считанные минуты мы бывали только вдвоем и могли спокойно поговорить.

Больше такого времени мне не выпадало, а редкие шуточки во время перемен, когда Игорь устраивался за партой или смеялся вместе с Женькой Лошковым, сидевшим рядом с ним, были общими и ничего не значащими.

Утром по дороге в школу мне казалось, что сейчас наше время и Игорь принадлежит только мне. Короткие минуты самообмана, но такие милые, что я регулярно выскакивала за дверь без двадцати восемь и протаптывала асфальт у киосков, выглядывая любимого парня.

Ну да, Игорь был моей первой любовью, грустной и сладкой одновременно. Мне все в нем нравилось: и голубые глаза с серыми точками, и тонкие губы, и решительно вздернутый нос. И его манера смотреть с легким прищуром и поднимать уголки губ в улыбке, его торчащая кверху челка и светлые рубашки в тонкую полоску тоже нравились.

Я узнавала его походку издали, обожала его манеру держать ручку тремя пальцами, млела от его низкого хриплого голоса, который звучал для меня самой желанной музыкой.

В то неудачное утро Игорь появился вместе с Кристиной, моей одноклассницей. На самом деле я знала, что они встречаются, ходят вместе в кино и сидят в кафешках и много раз рассматривала их совместные фото во «ВКонтакте». Я не питала ложных иллюзий, но все-таки дорожила нашей незатейливой дружбой. И потому не желала делить дорогу до школы с Кристиной.

А та, увидев меня, скорчила мину – мол, а эта что тут делает? Зато Игорь весело улыбнулся мне.

– Привет, София, – сказал он. – По тебе можно часы сверять.

Я тоже улыбнулась в ответ и помахала рукой.

– Сочинение написала? – снова спросил Игорь и принялся рассуждать о неверных методах обучения, которые применяет наша русичка.

Обычно я старалась идти с правой стороны от Игоря, ведь родимое пятно у меня находилось тоже на правой стороне. Просто не желала сиять перед его глазами своим уродством. Хотя это, конечно, и глупо.

Привычка держаться справа от собеседника, чтобы прятать свое пятно, уже засела в моем подсознании, и я всегда невольно старалась скрывать его и не маячить перед людьми. Даже умудрялась на уроках у доски отвечать, стоя боком, повернувшись правой стороной к доске.

В то утро справа от Игоря шла Кристина. Она держала его за руку, хлопала густо накрашенными ресницами, поправляла милый рюкзачок на плече и не собиралась никому уступать место. Поэтому я поплелась сзади, ведь больше мне ничего не оставалось.

Разговора с Игорем в то утро не получилось. Мы с ним оба увлекались творчеством Стивена Кинга, а в этом году должен был выйти сериал по его новому роману. И мы частенько говорили об этом, обсуждали книгу, героев... у нас были общие темы для разговоров.

Только не в то злополучное утро. Я дотащиась до школы, основательно отстав от сладкой парочки, и всю дорогу любовалась тем, как Игорь нежно прикасается к ладони Кристины, как у той покачиваются в ушах длинные сережки-цепочки и как отлично смотрятся эти двое вместе. Они были красивой парой, ничего не скажешь.

Мрачнее тучи села я за свою последнюю парту в крайнем ряду у двери, и даже появление Ники Лесковой не могло развеселить меня. Подруга слегка опоздала, поэтому прошествовала на свое место под веселыми взглядами всего класса. Я бы умерла, если бы пришлось вот так опаздывать, но Ника к таким вещам была очень даже привычна.

Она плюхнулась на стул, шумно выдохнула и расстегнула молнию на толстовке.

Ника была из многодетной семьи, к тому же самая старшая. Кроме нее в доме имелись еще две сестры и два брата – шумная и дикая компания. Потому Ника всегда ходила в одежде из секонд-хенда, причем с самых дешевых распродаж. Ее растянутые толстовки, потертые джинсы и потрескавшиеся кеды вызывали массу шуток в классе, но моя подруга отлично справлялась с ролью аутсайдера. Ее острый язык, симпатичная мордашка и ловкая манера копировать кого угодно помогали выходить из самых сложных ситуаций.

Деньги никогда не отягощали карманы Ники, поэтому обеденную булочку ей покупала обычно я. Мама ежемесячно присылала мне через «Вестерн Юнион» двести баксов, и в переводе это была весьма неплохая сумма. Потому в секонд за одеждками я не ходила, разве что в стоки, а покупала одежду в бутиках вроде «Колинз» или «Джанкера». Иногда находила что-то приличное в «Глория Джинс». Мне нравились клетчатые рубашки, и у меня их была тьма-тьмушая.

Ника попробовала выпытать у меня, чего это я такая хмурая. Конечно, шепотом, но таким громким и эмоциональным, что учитель истории Владислав Борисович, или Боровой, как мы его называли, посмотрел на нас и нахмурился.

Я толкнула Нику локтем, та сделала круглые глаза и на весь класс сообщила, что у нее потекла ручка и ничего такого тут нет.

С первых парт посоветовали заткнуться, грубиян и хам Мишка Логинов поинтересовался, сколько месяцев ее родители откладывают деньги на школьные ручки, мол, одной зарплаты не хватает, чтобы набрать канцтоваров на всю ораву.

– Мы, Логинов, обычно берем кредит на ручки, – парировала Ника. – Отдаем по пятьдесят рублей в месяц. Как раз к моему одиннадцатому классу рассчитаемся.

Полкласса засмеялось, Боровой велел прекратить и милостиво протянул Нике свою ручку.

А у подруги действительно оказалось ЧП – она сунула мне под нос испачканные синими чернилами пальцы и пожала плечами.

– Зараза, она все-таки потекла, представляешь?

Нике всегда покупали самые дешевые ручки на каких-то самых дешевых распродажах. Неудивительно, что они быстро приходили в негодность. Пришлось доставать влажные салфетки и оттирать заляпанную парту, учебники и собственные пальцы. И каким-то образом мы умудрились перемазаться обе.

После урока истории я направилась в туалет отмывать пальцы, ругая про себя Нику и ее младших сестер, которые тянули у нее новые ручки, а взамен подсовывали всякую гадость. С отвратительным настроением я встала у раковины, взялась за вентиль, и тут до меня донесся голос Кристины.

Она с подругами стояла у кабинок за дверным проемом, и меня они не заметили. Окно в туалет было открыто, кто-то из девчонок затянулся сигареткой, хотя за это могли и родителей в школу вызвать. И подруги мило болтали.

– Да, представляете? – возмущалась Кристина. – Каждое утро поджидает его у киосков. Вот чудачка. Выглядывает, кидается к нему и с такой улыбкой: «Здравствуй, Игорь!». Я чуть не умерла, когда увидела.

– Так пусть Игорь пошлет ее куда подальше, – раздался низкий голос Даши Смеховой.

– Не может. Он же всегда списывает у нее на контрольных. Вы ведь в курсе, что лучше Соньки никто не знает химию и физику. А Игорю надо поступить, вот он и общается с Миской.

– Ужас, ну хоть бы она что-то сделала со своим страшным родимым пятном. Будь у меня такое на лице, я умерла бы, наверное, – пробормотала робкая и глупая Ксенька Луць.

– Это точно, лучше уж умереть, – тут же согласилась Кристина. – Ляг себе тихонечко и помри, нечего людей пугать своей рожей. А главное, девочки, улыбается Игорю, будто он ее парень. Наверняка воображает, что она ему нравится. А Игорь каждый раз смеется над ней, когда вместе гуляем. Потому что она дура. Страшная дура.

Остальные девчонки засмеялись, и разговор плавно перешел на тему о дурах вообще.

У меня так сильно колотилось сердце, что казалось, будто стук слышен на весь коридор, а не только на весь туалет. Кран я так и не открыла, застыла перед ним с вытянутыми пальцами в синих пятнах. Напротив висело зеркало, и я могла любоваться своим лицом сколько душе угодно.

Все так и есть. Все правильно. Ни один человек в мире не полюбит уродину. Это только в сказках красавица испытывает романтические чувства к чудовищу. Но где вы слышали сказку о Красавце и Уродине?

Правильно, нигде. Ни один уважающий себя прекрасный принц не влюбляется в страшилище. Нет таких сказок! Все принцессы, все героини потрясающих историй всегда прекрасны. И точка.

Другого варианта и быть не может.

Так что остается только одно, как правильно сказала Кристина, – лечь себе тихонечко и умереть.

3

Думаете, я ушла домой, захлебываясь горькими слезами? Ничуть. Я даже подумать не могла о том, чтобы пропустить занятия, и потому как прилежная девочка отсидела все оставшиеся пять уроков с каменным лицом, тяжелым сердцем и убийственной жаждой мести в душе.

А после уроков, несмотря на приставучие вопросы Ники о том, что случилось и почему я такая молчаливая, поперлась в библиотеку, потому что надо было писать реферат по украинской истории.

Можно, конечно, и в интернете нарыть. Но в библиотеке тоже имелись довольно интересные книги, а вы уже поняли, что учеба для меня была чуть ли не на самом первом месте, после моего рисования, конечно.

И еще мне нравилась тишина между стеллажами, ведь кроме меня из старших классов сюда больше никто не навещался. Тишина, запах книг и полное одиночество. Библиотекарь не в счет.

Вот там, в библиотеке, все и началось на самом деле.

Я ходила между стеллажами, дотрагивалась до корешков, брала разные книги и думала только об Игоре. Неужели Кристина права и он действительно подлый и лживый? Смеется за спиной и ценит меня только за подсказки и возможность списывать?

Или она все это придумала?

Чего бы я только не отдала, лишь бы узнать правду.

Я посмотрела на сборник повестей Крапивина, который почему-то оказался у меня в руках, пролистала страницы. Это были истории о попадании в другой мир. Слегка качнув в руке увесистый томик, я вздохнула.

Смогла бы я предать Игора? А полюбить смогла бы, если бы у него во всю щеку цвело родимое пятно? Или если бы он был хромым и страшным, а не таким симпатичным, как сейчас?

Тогда я не знала ответов на эти вопросы.

И тут из книги что-то выпало – слетело к моим ногам, легло рядышком с кедами и развернулось с легким шелестом. Я наклонилась и с удивлением уставилась на диковинную карту, нарисованную темно-синими и серыми красками.

#Глава 2

Дети во дворах умеют рассказывать множество жутковатых легенд и страшилок. Про черную руку, Пиковую даму, которую надо вызывать в полной темноте, про странный голос, звучащий время от времени в мобильном телефоне, и так далее.

Мне самой доводилось слышать некоторые из них. Одну такую страшилку рассказывали шестилетние близняшки Ева и Инна, что жили в моем подъезде на четвертом этаже.

Они говорили тогда о загадочной карте, с помощью которой можно вызвать дух колдуна. А тот якобы отвечал на вопросы, но если неправильно задать вопрос, утаскивал вызывавшего к себе в карту.

Собственно, сама страшилка так и звучала: одна девочка нашла карту в библиотеке и решила в полночь вызвать дух колдуна. Дух пришел и утянул незадачливую девочку в карту.

Я тогда посмеялась над их страшилкой и заверила близняшек, что это все глупости.

Но их мама, которая сидела неподалеку с вязаньем, вдруг подняла голову и возразила:

– Это не глупости. Я сама находила такую карту, когда училась в школе.

Маму близняшек звали Наташа, и она была не такой уж и взрослой. Она умудрилась залететь в семнадцать лет, спешно вышла замуж и теперь растила двух смешных девчонок. Ее муж мотался в рейсы – он был моряком, что для нашего портового города вполне нормально.

Время от времени я болтала с Наташей – она частенько сидела у подъезда то с книжкой, то с вязаньем, выгуливая своих неугомонных дочек.

– Я вызывала дух колдуна, – сказала мне тогда Наташа, – и он пришел. Ответил на мои вопросы, а я была очень осторожна и ничего лишнего не спрашивала. Собственно, я задала тогда всего один вопрос и получила один ответ. И очень удачно.

– А что ты спросила? – любопытствовала я.

– За кого мне выходить замуж. Я тогда встречалась сразу с двумя парнями и никак не могла выбрать.

– И тогда еще не была беременна? – осторожно уточнила я.

– Тогда еще нет. А через месяц уже да. Я же говорю – колдун мне подсказал, какой сделать выбор. Я стала встречаться с Толиком, и, как видишь, не напрасно. Теперь у нас есть Ева и Даша и мы отлично живем.

Я кивнула и пожала плечами.

Почему-то я считала, что замуж выходить надо по любви, а не по подсказке загадочного колдуна. Но, возможно, Наташе видней, она ведь старше меня. Возражать я не стала.

А Наташа добавила, что колдуна зовут Иоко и карту она вернула в библиотеку, как того и требовали условия, написанные на обороте.

– И сейчас она до сих пор лежит где-то в библиотеке, – завершила свой рассказ Наташа.

И вот в тот незадавшийся день к моим ногам упала эта самая карта Иоко. Легко развернувшись, запестрела темно-синими дорогами, серыми линиями гор, тонко прорисованными замками.

Я сразу догадалась, что это за карта, потому что в самом верху большими буквами было выведено имя – Иоко.

Круглые буквы «О» были выписаны в виде глаз с ресницами и зрачками посередине. В правом углу карты скалился четко и жутко прорисованный череп, а внизу, под самой картой, художник изобразил ворон – целый ряд черных птиц, которые смотрели прямо перед собой, и создавалось впечатление, будто их взгляды обращены на того, кто держит карту.

Я подняла рисунок и принялась рассматривать его. Это была мастерски сделанная работа, и каждая черточка, каждая деталь в ней казалась совершенной, идеальной, замысловатой и удивительной.

Даже просто как рисунок карта уже представляла собой ценность. Я тогда улыбнулась и подумала, что мне неслыханно повезло – я нашла очень интересную вещь.

Стилем, прорисовкой и цветом карта напоминала мои картины, что висели над письменным столом у меня в комнате. Это было настолько восхитительно, что в голове и мысли не было положить карту обратно в книжку Крапивина.

Я стояла между двумя стеллажами с книгами, и никто меня не видел. Поэтому я просто сунула карту в карман толстовки, поставила томик Крапивина на место и вернулась к столу библиотекаря.

Едва карта оказалась в моем кармане, я почувствовала, как во мне что-то изменилось. Тогда я не понимала этого и не отдавала себе отчета, но земли Безвременья уже начинали действовать. Меня влекло, тянуло, завораживало. Игорь отодвинулся на второй план, а перед глазами вдруг возникли мрачные синие горы и узкая высокая башня с остроконечной крышей, над которой летала стая воронов.

Это же мой рисунок, который висит у меня над столом!

И я поспешила домой, желая сверить карту с рисунками.

Выбежав из школы, я понеслась по дороге. Рюкзак бил меня по правому боку, деревья шумели над головой и внезапно похолодевший ветер то и дело хлестал лицо резкими порывами.

Почему-то несколько раз развязывались шнурки, и когда я нагибалась, чтобы завязать их, синий уголок карты выглядывал из кармана и как будто улыбался мне. Я неизменно возвращала его назад, затягивала шнурки, нещадно дергая их, и неслась дальше.

Кошка Машка, сидевшая на почтовых ящиках, вдруг зашипела, увидев меня в дверях, прыгнула в сторону и пулей унеслась на улицу.

«Вот странная!» – подумала я тогда.

А сейчас понятно, что Машка сразу почуяла карту и все, что с ней связано. Кошки ведь очень остро чувствуют потусторонний мир. Это я была как слепая в тот момент.

Я открыла квартиру и прямо с порога увидела свои мелки, валяющиеся у дверей моей комнаты. Валерка сидел на корточках у моего стола и с деловитой невозмутимостью запихивал в ящик зажатые в кулаке остатки мелков – часть из них уже была обломана, а часть все еще валялась на полу в коридоре.

Мои драгоценные профессиональные мелки, которые я покупала в специальном магазине! Они стоили дорого, я тратила на них деньги, которые присылала мне мама, и вполне справедливо считала своими.

Валерик частенько кланчил мои вещи, и Ольга всегда давала их ему, говоря, что он младший и ему надо уступать. Но только не мелки и краски! Только не рисовальные принадлежности!

Даже отец запрещал брату рыться в моем столе, объясняя, что там могут оказаться острые кнопки, мелкие скрепки или таблетки от боли при менструациях. Ольга всегда с ним соглашалась.

А сегодня что случилось? С чего это вдруг брат залез в мои вещи?

– Быстро положи на место! – закричала я.

– Не ори! Он и кладет, – в дверях кухни появилась Ольга с полотенцем в руках. – Он случайно залез, ничего страшного. Уже вернул все на место.

– Он вообще не должен трогать моих вещей! Это мои вещи! – закричала я в лицо Ольге.

– Это не твои вещи! Твоего тут ничего нет, ты еще ни одной вещички не заработала, – спокойно парировала мачеха. – Тебя тут кормят, поят и учат, чтобы ты стала человеком, в конце концов.

– Я уже сейчас человек!

Я кинулась в комнату и оттолкнула Валерку от стола. Тот заревел тягучим басом, зажал в руке несколько маркеров черного цвета – драгоценных контурных маркеров, которые я заказывала через интернет! – и кинулся к Ольге.

Я бросилась за ним, схватила за руку и принялась разжимать пальцы, отнимая маркеры.

Ольга заорала, веля сейчас же прекратить, оттолкнула меня и стала утешать воющего Валерку.

– Урод! – в сердцах крикнула я.

– Ты сама уродина! Не будет тебе сегодня обеда! Пусть тебя мать твоя кормит! – выдала мачеха. – Иди в свою комнату и сиди там, чтобы я не слышала и не видела тебя!

После Ольгиных слов о том, что я сама уродина, мне стало плохо. Я отшатнулась от нее, ушла к себе, аккуратно закрыв дверь, села на диван и уставилась на выдвинутые ящики своего стола.

Валерик попользовался не только моими карандашами и маркерами. Он умудрился залезть пальцами в профессиональную акварель, поковырялся там и перемешал цвета – влез грязной кисточкой в желтую и красную баночки, и теперь верхний слой красок в них стал никуда не годным.

Не смертельно, конечно, можно привести в порядок. Только кто теперь даст гарантию, что брат снова не тронет краски? У него есть свои, Ольга покупает ему, но моя комната всегда страшно привлекала Валерку. Здесь все ему казалось интересным и необыкновенным – любая мелочь. Все хотелось потрогать, всюду залезть, а я не позволяла. Но он все равно забирался – он же любимый сынок.

А я страшная уродина, которую кормят за свои деньги.

Окружающий мир во мгновение ока стал чужим. Ничего у меня не было на самом деле – ни друзей, ни семьи, ни любимого парня. И никогда не будет. По крайней мере до тех пор, пока не уберу со щеки родимое пятно.

Я вытерла слезы, подошла к зеркалу и долго смотрела на свое лицо, на проклятую отметину, уродующую меня, пытаюсь прогнать мысль о том, чтобы шагнуть из окна пятого этажа. Ведь на самом деле все еще можно исправить. Накопить денег и сделать операцию, в конце концов.

И тут карта снова выпала из моего кармана. Она словно напомнила о себе, потому что за всей этой дракой за маркеры я совсем забыла о находке.

Развернувшись ярким пятном, карта тихонько скрипнула – так скрипит старый картон, когда пытаешься сложить его. Я подняла ее, положила на стол и перевела взгляд на свои рисунки.

Господи!

Все выглядело так, будто и карту, и рисунки создал один человек.

Оттенки красок, линии, черные силуэты ворон и даже черепа в правых верхних углах.

Все один в один.

2

Несколько месяцев назад мне приснился сон. Он был ярким и объемным, как самая настоящая реальность. Мне снилось, будто я стою на высоком холме и под моими ногами шелестит странного цвета трава. Она кажется темно-синей, среди нее попадаются серые листья – но в общем и целом весь холм наливается мрачными цветами, а над головой тянутся низкие серые тучи.

Я чувствовала порывы ветра на щеках, влагу на ладонях и понимала, что вот-вот зарядит дождь.

Передо мной простиралась широкая равнина, поросшая все той же синей травой, а вдалеке поднималась скала с круглой башней. Темные камни башни отливали синим, черная остроконечная крыша упиралась в угрюмые облака, а силуэты черных птиц, мелькавшие в воздухе, добавляли мрачности этому и без того угрюмому пейзажу.

Приснился тогда мне этот странный сон, и я его нарисовала, если только вообще можно нарисовать сон.

Я просидела над рисунком несколько зимних вечеров, тщательно подбирая краски, чтобы запечатлеть саму атмосферу синей долины. Вороны, облака, башня. Тяжелая грусть и одиночество. Пустота.

Именно пустота – вот что поразило меня в этом сне. Кроме далеких птиц рядом со мной не было никого в моем сне, и я понимала, что в тех местах люди не живут. Откуда у меня родилось такое понимание, я объяснить не могла.

Как только картина была закончена, я повесила ее над столом и вечерами любовалась ею. Я была довольна своей работой – получилось то что надо.

А через пару дней мне снова приснился сон. Тягучий, мрачный и настолько реалистичный, что проснувшись, я долго не могла прийти в себя. На этот раз я увидела заброшенный город – черно-синие развалины, заросшие все той же синей травой. Пустые проемы окон, остатки стен, ползучие растения на камнях. Тучи над головой и хриплое карканье ворон.

Во сне я бродила по заброшенному городу, переступала через каменные пороги, продиралась сквозь высокие колючие кусты с редкими серыми листьями.

Сон о разрушенном городе снился несколько раз, как навязчивое видение, как легкий призрачный кошмар. Вновь и вновь я то ли убегала от кого-то, то ли искала что-то, колючие ветки странных кустов хватали меня за плечи и руки, а над головой до хрипоты надрывались черные птицы.

В конце концов я нарисовала и заброшенный город, а сверху зачем-то изобразила череп без нижней челюсти, с большими пустыми глазницами. Гладкий серый череп, который смотрел на меня долгими зимними вечерами.

Иногда, сидя одна в своей комнате, я слушала музыку и смотрела на эти две картины. Они казались мне окном в какой-то далекий и странный мир. Я слишком ясно ощущала их реальность и понимала, что привидевшийся мне мир на самом деле где-то существует.

Еще мне приснился парень – но его я не запомнила. Сон был коротким и быстрым, и в памяти остались только облака, вороны и лицо под надвинутым капюшоном. Фигура парня на фоне огромной луны – вот все, что я могла вспомнить, поэтому рисовать этот третий странный сон не стала.

Да я и не верила в сны. Ведь на самом деле они не имеют значения – так думала я тогда.

И вот передо мной лежит загадочная карта Иоко и череп в ее верхнем углу с потрясающей точностью походит на тот, что изобразила я. Такие же синие завитки трав на полях, такие же темные оттенки, и даже башня, что украшала левый нижний угол, в точности походила на ту, какую изобразила я.

– Обалдеть можно, – пробормотала я и перевернула карту Иоко.

Бумага, на которой она была нарисована, поражала своей тонкостью и крепостью. Шелковой лентой она прошелестела у меня в руках и послушно развернулась, показывая замысловатые буквы. Алфавит, но с завитками и прочими красотами. Будто жуткая старина. Синие буквы, черные узоры.

Если желаешь выслушать совет Иоко, то карту следует расстелить ровно посередине стола, а сам стол поставить посередине комнаты. Дождаться полуночи, и когда полная луна заглянет в окно, произнести заклинание.

Так было написано в карте. И чуть ниже находилось само заклинание – небольшой стишок, в котором вовсе не имелось смысла. Так показалось мне тогда.

Еще карта велела зажечь четыре свечи – по одной на каждом углу стола. Я посмотрела на свой небольшой компьютерный столик и порадовалась, что он не был угловым, то есть у него как раз четыре угла.

Ладно, могу вызвать колдуна Иоко. Даже прямо сегодня, потому что мне повезло – сегодня как раз полнолуние и из моего окна всегда видно полную луну.

Это теперь я знаю, что карта сама нашла меня в нужное время, когда луна стала круглой и портал оказался доступным. А тогда я ни о чем таком и не подозревала, лишь пожала плечами, перевернула карту и снова принялась ее рассматривать.

Мне нравилось в ней все: и четкие линии дорог, и синие горы, и темно-голубые моря и реки. Высокое синее дерево с раскидистыми ветвями, изображенное в самой середине. Под деревом находилось что-то похожее на скважину для ключа, но сколько я не присматривалась, рассмотреть, что это такое, не удавалось.

Сначала я не могла решить, воспользуюсь ли картой или просто оставлю себе как красивый сувенир. Но когда вечером мне пришлось выслушать от отца нотацию о вежливом обхождении с мачехой и младшим братом, я точно поняла, чего хочу на самом деле.

А хотела я знать две вещи. Дружит ли со мной Игорь или Кристина права и он только использует мои знания. И смогу ли я вывести проклятое родимое пятно.

Всего два вопроса – совсем немного на самом деле.

Указание на карте предупреждало, что можно задать только три вопроса. Четвертый окажется роковым.

«Пока на карту светит луна, Иоко ответит на три твоих вопроса. Но если собьешься со счета и задашь четвертый вопрос, Иоко потребует плату за свои услуги. И тебе придется заплатить».

Это тоже было написано на обороте.

Ладно, это ведь не сложно, правильно? Считать до трех я умею, поэтому не собоюсь. В конце концов, у Наташи все получилось, она не сбилась со счета, все сделала правильно и Иoko дал ей хороший совет.

Интересно, как выглядит колдун? Вдруг настолько страшно, что и посмотреть на него будет не в состоянии?

Или только услышу его голос?

Я усмехнулась, свернула карту и сунула ее на полку между книг. Ночью разберемся – подумала я.

3

Вечером Валерка разнылся из-за каких-то пустяков, отказался доедать макароны с сыром, хотя обычно съедал все без остатка. Ольга засуетилась с градусником, детским панаолом и теплым питьем. Пришедший с работы отец заглянул ко мне в комнату и попросил вымыть посуду.

В обычный день меня это не расстроило бы, я привыкла, что обо мне вспоминают только когда надо что-то сделать. Но в тот день все было наперекосяк.

Я прилепала на кухню, посмотрела на сложенную в раковине гору посуды – Валеркины кружки с рисунками, терка с присохшим сыром, большой дуршлаг, сковородка и куча тарелок. Отлично, и вся эта возня досталась мне, потому что Ольге, видите ли, некогда – она стоит над Валериком и трясет градусником.

– Почему это я всегда должна мыть посуду? После обеда мыла я, и даже плиту отмыла. А сейчас на ней валяются макароны, и у Ольги сбежало молоко, – проворчала я.

Отец, который еще допивал свой вечерний чай, лишь пожал плечами.

– Валерка сегодня залез в мой стол и испортил мои краски. А деньги на них присылала мама, потому что когда я прошу тебя купить мне набор карандашей или бумаги, ты ворчишь, что зарплата через неделю, а у Валерочки колготки порвались и ему надо в первую очередь. Ты почти не тратишь денег на меня,

если не считать еды и платы за квартиру. Почему это тогда ваш ребенок берет мои вещи, которые куплены не на твои деньги?

Мой голос звучал жестко. Я уперлась кулаками в бока и хмуро поглядывала на отцовскую макушку. Волосы у моего отца были такого же цвета, что и мои. Темно-русые с медным отливом, они завивались крутыми кольцами, и поэтому отец коротко стригся. Я свои локоны завязывала обычно в хвост, чтобы не мешали.

– София, ты не права, – спокойно заговорил отец. – Валера еще маленький, он просто не понимает. А мелки и карандаши мы купим тебе, можем прямо завтра. Это не такой большой расход.

– Ты это Ольге своей скажи! Да, скажи, что завтра вечером пойдешь со мной по магазинам и купишь мне канцтовары. В специальном магазине для художников. Ее просто порвет. Она будет орать тут два часа, ты же знаешь. У нее всегда на тебя планы, ты же ее муж.

– Соф, прекрати. Помой посуду и иди спать. Мы стараемся для тебя, как можем. Любовь не измеряется купленными карандашами и красками.

Дальше началась обычная лекция о том, что мы семья и я неправильно отношусь к своему младшему брату, что он взял мои вещи без умысла. Он вырастет и научится вести себя хорошо, а я сама в его возрасте точно так же забиралась в бабушкины шкафы, и бабушка меня за это не ругала.

Тут он был прав, я действительно очень любила лазить в старый бабушкин шифоньер, где все так странно и приятно пахло, где стоял толстый черный ридикюль со старыми фотографиям, хранились наборы значков еще со времени Советского Союза, лежала коллекция мыла – бабушка любила покупать его про запас.

Меня за это никогда не ругали, мне разрешали проверять недра бабушкиного шифоньера. Но я-то не разрешала Валерке рыться в моем столе! Вот в чем разница!

Но папа этого не понимал.

Я сказала, что мыть посуду не буду, хлопнула дверью своей комнаты и заперлась на ключ. Я успела к этому времени принять душ, поэтому могла больше не выходить в коридор, разве что в туалет. Пусть сами разбираются.

Выключив свет, я легла в постель с телефоном и зашла во «ВКонтакте» на страницу Игоря. Просмотрела его фото на аватарке, хотя все они хранились у меня в компьютере в специальной папке под паролем. Хотелось плакать, но слез не было. Просто тянулась внутри какая-то грустная паршивость, когда все теряло смысл и интерес, когда хотелось одного – ничего не делать, ничем не заниматься, ни во что не вникать.

Кому я вообще нужна в этом мире? У отца есть Валерка, у Игоря Кристина, у Ники Лесковой – ее большая веселая семья, в которой хоть и была напряженка с деньгами, зато все стояли друг за друга горой. Попробуй обидеть кого-нибудь из младших – Ника и ее брат Сашка, который был младше всего-то на полтора года, тут же летели на помощь.

А я всю жизнь оставалась одна. Вернее, с восьми лет, с тех пор как умерла бабушка и я перешла жить к отцу. У отца к тому времени уже была Ольга, и я сразу почувствовала себя чужой в этой семье. Детей ведь не обманешь, дети всегда все чувствуют.

Я решила, что все-таки попробую вызвать Иоко. А вдруг он и правда существует? Попытавшись, я ничего не потеряю. И если легенда правдива, то я получу ответы на свои вопросы и буду знать, что делать дальше.

Ночь стояла светлая, безоблачная, и поднявшаяся за окном луна казалась идеально круглой, большой и выпуклой. Она торжественно и грустно заглядывала в окно, и я, поднявшись, не удержалась, отдернула штору и распахнула оконную створку. Луна словно предупреждала о чем-то. Ее доверительный, добрый взгляд навевал неясную, смутную тревогу, заставляя отчаянно колотиться сердце.

Пора было начинать подготовку. К одиннадцати вечера в доме все затихло – перестала шуметь вода на кухне, умолк телевизор и только ходики в коридоре мерно тикали, отмеряя оставшееся до полуночи время.

Первым делом я переоделась. Если колдун в самом деле явится в комнату, в чем я очень сомневалась, мне не хотелось, чтобы он увидел меня в коротких пижамных шортах и стареньком топе.

Я заправила постель, натянула джинсы, надела рубашку в красную клетку. Взглянула на стоявшие под шкафом любимые и изрядно потрепанные красные кеды-конверсы, которые уже не носила, но выкинуть все не решалась. Ладно, не в тапочках же стоять, правильно? А в кедах всегда удобно.

Словно предчувствуя, чем закончится моя полуночная магия, я зашнуровала кеды и осторожно выдвинула на середину комнаты компьютерный стол, предварительно убрав с него монитор. Вот теперь можно зажигать свечи.

На обороте карты были написано, что по углам стола должно гореть по свече – обязательное условие. У меня как раз был набор ароматных свечек – знаете, такие маленькие, сиреневые, с запахом лаванды. Я поставила их куда надо, расстелила карту на столе и принялась ждать.

Меня почему-то охватила суеверная жуть, руки предательски задрожали, но я тут же высмеяла себя. Вот же глупость! Никто на мой зов не придет, и завтра я буду называть себя идиоткой. Но зато буду знать, что попробовала, не испугалась.

Наконец часы на моем телефоне высветили полночь. Я торопливо чиркнула спичкой, зажгла свечи и принялась читать стихотворение, написанное на обороте карты. Его требовалось произнести вслух.

Дрожащим голосом я прочитала первые строки, и свечи вспыхнули ярко и искристо, потянувшись к потолку прямыми оранжевыми столбиками.

Четыре стороны – как четыре свечи,

Если знаешь правду, то не молчи.

Я испуганно оглянулась на закрытую дверь комнаты, потом на приоткрытое окно, но все оставалось по-прежнему, лишь ярко и бешено пылали мои маленькие ароматные свечи.

Вопросы задавай в полнейшей тиши,

Если знаешь правду – то не дыши.

Штора резко поднялась, словно от порыва ветра, но пламя свечей не дрогнуло и розовый прозрачный край ткани затрепетал у самого потолка. Луна бросила на стол яркий серебристый свет, высвечивая линии на расстеленной карте.

Последние строки, выписанные на бумажку (не наизусть же учить!), я прочла почти шепотом, настолько напряженным и неподвижным стал воздух в комнате.

В полночь придет тот, кто знает ответ.

Если знаешь правду – выбора нет.

А дальше требовалось произнести последнюю, заключительную фразу. Я на несколько секунд замолчала, ощущая, как в комнате становится жутко холодно, будто за окном закончился май и пришел лютый февраль. Потом вздохнула и еле слышно выговорила:

– Полночь наступила, я могу задавать вопросы?

Ответом мне была полнейшая тишина. Штора так и витала под потолком, открывая сияющий лик луны, свечи по-прежнему продолжали трепетать, а мои ноги жутко мерзли, несмотря на джинсы и кеды. Лишь щекам было жарко, они горели не хуже свечей – так мне казалось.

Больше ничего не происходило, и леденящий ужас потихоньку улегся в моей душе, желудок перестал подпрыгивать к горлу, дрожь в руках унялась.

– И это все? – устало проговорила я, собираясь погасить свечи.

– Нет, это только начало, – проговорил за моей спиной хриплый мужской голос.

– Это только начало, – хриплый голос прозвучал совсем рядом, буквально над ухом.

Я вздрогнула и резко обернулась. От неожиданности и страха у меня клацнула челюсть и подкосились коленки, так что с трудом удалось устоять на ногах. За моей спиной была только дверь и чуть сбоку – зеркало шкафа. А в зеркале отражался кто-то... или что-то...

Оно было совсем рядом, рукой подать, прямо со мной в комнате. Оно надвигалось на меня, приближалось, обретая четкие очертания. Фигура возникла из мрака, лунный свет обрисовал ее контуры, и я, глядя в зеркало, поняла, что сейчас просто умру от ужаса.

Я быстро оглянулась, прошептав «мама», и уставилась на своего гостя в черном капюшоне. Гость приблизился, поднял голову, и капюшон чуть-чуть съехал назад, открывая высокий лоб, длинные черные пряди волос и сверкающие синие глаза.

На самом деле синих глаз не бывает, так просто пишут в разных романах и сказках, чтобы сделать героя более привлекательным. Конечно же, глаза у колдуна были не синие в буквальном смысле этого слова. Радужки его сияли голубым безо всякой примеси серого или желтого, но таким четким, таким ясным и пронзительным, что мне показалось, будто мой гость заглянул в самую середину моей души.

– Задавай вопросы. Продолжай, – спокойно произнес он.

– Мамочки, – прошептала я и вцепилась руками в край стола. Опустила глаза на карту и еще больше удивилась. Тонкие линии надписей и дорог на ней слабо мерцали серебристо-голубым светом.

Мой ночной гость терпеливо ждал, не отводя от меня внимательного взгляда. Он стоял напротив окна лицом ко мне и спиной к огромной выпуклой луне, которая словно приблизилась и теперь нагло наблюдала за моими колдовскими действиями.

Значит, надо спрашивать. Ладно. Что я там хотела узнать?

Собравшись с силами, я прошептала, еле выговаривая слова:

– Игорь любит меня?

Из моих губ вырвалось облачко пара, в голове мелькнула мысль о том, что в комнате слишком холодно, и тут же пропала. Остались только пронзительные глаза колдуна, буравящие меня взглядом.

– Вопрос задан неверно. – Мой гость сделал паузу, а после добавил: – Всегда одни и те же неверные вопросы, София.

Он выделил гласные моего имени, словно они смешили его, но на лице у него не промелькнуло и тени улыбки.

– Надо бы спросить: нужен ли тебе Игорь. И я ответил бы, сказал бы самое главное. Но ты задала глупый вопрос и получишь глупый ответ, который тебе не понравится. Нет. Игорь не любит тебя. Насколько я могу судить, Игорь вообще не умеет любить кого-либо. Тем более девушек с явным недостатком на лице.

От этих слов внутри меня будто все оборвалось. Стало пусто и темно. Я подавила судорожный всхлип, мотнула головой, откидывая пряди неубранных волос, и выдала следующий вопрос.

– Я смогу избавиться от родимого пятна на лице?

– О да. – Колдун закивал головой. – Сможешь. Это хороший вопрос. Дело, как всегда, в цене.

Он слегка отодвинулся, и лунный свет упал на его лицо. Совсем еще молодой, почти мальчишка, с пухлыми губами и немного широким носом, он казался моложе меня, и только хриплый низкий голос сбивал с толку. У мальчиков не бывает таких голосов.

– Ты кто? – прошептала я, замороженная его загадочным обликом.

И тут он улыбнулся. Широко, весело, демонстрируя крупные белые зубы.

– Четвертый вопрос. Ты задала мне четвертый вопрос, София. Ты знакома с условиями? Колдовские карты надо читать внимательно, дорогая.

Это его последнее и наглое «дорогая» резануло слух.

– Я задала только три вопроса! – крикнула я и на всякий случай вцепилась в стол, чтобы колдун не смог меня никуда утащить.

– Четыре. Я могу назвать их все. Ты спросила: «И это все?». Это был первый вопрос. Потом поинтересовалась нежными чувствами Игоря и своим пятном. А четвертым вопросом было пожелание узнать, кто я такой. Я отвечу и на него. Я – Иоко.

Тут он схватился за столешницу поверх моих рук, его шершавые теплые ладони перекрыли мои пальцы и прижали их к кромке стола. Мне стало больно, я попробовала вырваться, но что-то изменилось вокруг меня.

2

Лютый холод пополз по моим ногам, сковывая движения. Колени, бедра, талию точно охватили оковы – я утратила власть над собственным телом. Ни двинуться, ни повернуться. Холод пробирался внутрь, подползал к самому сердцу, но я не могла даже взглянуть вниз, на ноги.

Голова не поворачивалась, шея сделалась деревянной, и только глаза Иоко по-прежнему оставались передо мной. Они бешено светили, сияли и горели не хуже луны за его спиной.

А луна будто сошла с ума. Она раздулась, приблизилась, увеличилась, и ее серебристый свет смешался с голубым свечением карты. Стены комнаты раздвинулись, но посмотреть на них я не могла, лишь боковым зрением замечала – что-то происходит.

Что-то изменилось вокруг меня и продолжало меняться дальше, но я не могла понять, что именно, не могла рассмотреть и тем более остановить это. Я

превратилась в ледяную статую, и мое тело зажило собственной жизнью, отдельной от сознания.

Мне хотелось орать от ужаса, и в голове вертелось только два слова: папочка, помоги!

Но к моему огромному, неопишуемому ужасу, я ничего не могла произнести. Ни единого слова.

Я даже выругаться не могла. Глаза слепило нереальное сияние луны, карта вдруг сделалась выпуклой – горы, скалы, реки и башни на ней выросли, словно в голографическом изображении. Они постоянно менялись – то поднимались огромные башни из синих камней с черными остроконечными крышами, то появлялись зазубренные кромки гор. Как будто карта решила показать лучшие места, что были запечатлены на ней.

И в тот момент, когда на самой ее середине появилось высокое раскидистое синее дерево, Иоко схватил висящий у него на шее кулон, похожий на ключ, вставил его в отверстие у подножия дерева, повернул несколько раз, и все вокруг погрузилось в темноту.

Или мне показалось?

Я несколько раз моргнула, отцепила наконец пальцы от стола и подула на замерзшие руки.

Иоко убрал под рубашку ключ, отступил и ровным, ничего не выражающим голосом заметил:

– Ничего, скоро согреешься. Нам предстоит долгий путь.

Поначалу я ничего не могла разобрать. После яркого лунного сияния в глазах плясали цветные пятна и сумрак комнаты казался мне непроницаемым. Замерзшие ноги еле гнулись, и я подумала было, а не отморозила ли их?

Я точно знала, что сбоку должен был стоять мой диван, потому сделала пару шагов и попробовала опуститься на него. Дивана не оказалось, и я с такой силой

грохнулась об пол, что из глаз полетели искры.

– Я бы на твоём месте не делал резких движений. По крайней мере пока не начнешь нормально видеть. Это не твоя комната, поэтому лучше пока не двигайся, – посоветовал Иоко с прежней бесстрастной интонацией.

Сам он, судя по всему, чувствовал себя превосходно.

– Что же это, если не моя комната?

– Моя башня. Башня Иоко.

Я смахнула с ладоней мелкие камешки и мусор, ещё раз огляделась. Мои бедные глаза наконец более-менее освоились со здешней темнотой, и я смогла рассмотреть мрачные стены и высокие стрельчатые окна.

За стенами замка царила ночь, такая же лунная и яркая, и я различила на каменном полу бледные пятна лунного света. Только вот луна за окнами настолько сильно отличалась от той, к какой я привыкла, что рот у меня открылся сам собой.

Она была голубоватая, огромная и заполняла почти половину небосвода. Рядом с ней чуть сбоку висела ещё одна планета, поменьше и побледнее, и потому сияния этих двух лун хватало, чтобы рассмотреть место, где я оказалась.

Это был огромный пустой зал с круглым столом посередине. Толстую каменную столешницу украшала замысловатая резьба, в которой просматривались загадочные буквы. Я понимала, что это не русский язык, но буквы, тем не менее, тоже понимала. Они складывались знакомым и родным пазлом и звучали в голове, точно старая забытая песня.

Как такое может быть?

На кромке стола была выбита одна фраза.

«В башне есть выбор».

Выбор чего?

Я мотнула головой и поднялась с пола. С того места, где я сидела, надпись на столешнице просматривалась особенно хорошо, ее выхватывал из темноты лунный свет, играл на резных гранях выпуклых букв, заставляя их слегка серебриться, точно они были выложены из драгоценного металла.

– Нам предстоит дальняя дорога, надо торопиться, – снова заговорил Иoko.

Теперь его голос звучал энергично и резко, и хрипотца слышалась особенно сильно. Мальчишки так не говорят, такой низкий голос мог принадлежать только взрослому человеку.

Я снова посмотрела на колдуна. Он скинул с головы капюшон, его длинные, до плеч, волосы оказались абсолютно черными, а кожа белой, с легким загаром, который в лунном свете и вовсе казался призрачным.

Сам Иoko походил на призрак – красивый и страшный. Теперь он не казался мальчишкой, и даже гладкие, лишенные растительности щеки не могли сбить с толку. Он был взрослым, абсолютно взрослым человеком.

Или не человеком?

Иoko стоял лицом к окнам, и его профиль, освещенный призрачным светом луны, казался правильным до нереальности. Лишенный эмоций, спокойный и ровный лоб, низкие прямые брови, прямой нос с широкими ноздрями, красивые чувственные губы и ямочка на подбородке.

Я осторожно поднялась, чувствуя, как согреваются ноги и руки. В зале, несмотря на отсутствие стекол в окнах, было тепло. Стрельчатые каменные арки не имели ни створок, ни ставен, ни переплета, и звездная ночь заглядывала в них вольно и свободно.

– Куда пойдем? – хмуро спросила я не столько из интереса, сколько из желания нарушить странную шуршащую тишину, что царила в зале.

– Скажу сразу. – Иоко повернулся ко мне и сверкнул глазами. Так мне показалось тогда, что сверкнул, настолько серьезным и яростным был его взгляд. – Скажу, чтобы ты больше не спрашивала. Я служу здешнему властелину, тому, кто завоевал этот мир. Его называют Владеющим, Властелином, Темным, Черным, Великим, Злым Духом. У него много имен, но ни одно полностью не отражает его сущности. Я называю его Хозяином. Моя задача приводить к нему души. Живые души людей из живых миров. Здешний мир давно умер. Он называется Безвременьем, и жителей в нем нет, только призраки. Я доставлю тебя к Хозяину, и на этом мы распрощаемся.

– А потом что? – еле слышно пробормотала я.

– Что будет потом, не знаю. Дорога нам предстоит долгая и трудная, поэтому тебе следует собрать вещи. Здесь есть шкаф, у стены около камина. Там найдешь все, что тебе нужно. И поторопись, пока светит луна, нам надо дойти до первого Убежища.

– У меня есть выбор?

– Всегда. Но если останешься тут – погибнешь, как только сядет луна. Придут лусы и сожрут тебя. Никто не может противостоять лусам. Можешь посмотреть, в этом зале лежат кости тех, кто не поверил мне и решил остаться. Прямо у камина как раз есть один. Я привел его, по меркам вашего мира, прошлой осенью.

Голос Иоко звучал спокойно и мирно. Даже немного ласково. Не чувствуя подвоха, я повернулась к противоположной от окон стене, где находился огромный пустой камин, в котором не было даже золы. Рядом с каминной кладкой действительно лежал человеческий скелет. Белые кости, высушенные ветрами. Или обглоданные загадочными лусами?

– Кто такие лусы? – спросила я и осторожно приблизилась к камину, чуть не споткнувшись о какой-то странный предмет. Наклонилась и отпрянула в ужасе – на каменном полу лежала черная кроссовка, похожая на те, что продают в нашем магазине недалеко от моего дома. Зеленые надписи, зеленые шнурки и погрызенная подошва.

Человек, чьи кости остались у камина, когда-то жил в моем городе?

– Это из моего города? – спросила я Иоко.

– Моя карта сейчас находится там. Значит, люди оттуда. Всегда оттуда.

– Его съели лусы?

– Глупый вопрос. У тебя полно глупых вопросов, София. Избавь меня от них.

Костяшки пальцев, рассыпанные около белых ребер, кости таза, голени – все обглодано начисто, не осталось ни кусочка плоти. Перед огромным зевом камина что-то блеснуло в лунных лучах, я наклонилась и увидела розовый смартфон.

Значит, труп принадлежал девочке!

Она, как и я, пожелала задать вопросы и погибла от загадочных лусов, так, что ли?

И вдруг я вспомнила объявления, которыми пестрели столбы и маршрутки прошлой осенью. Разыскивалась семнадцатилетняя Ксения. Она ушла из дома поздно вечером и не вернулась. Я тогда еще подумала – какой смысл отправляться на прогулку в половине двенадцатого ночи?

Теперь же мне все стало ясно. Скорее всего, передо мной сейчас лежала Ксения – вернее, то, что от нее осталось. Она не уходила из дома – она вызвала колдуна Иоко.

– Почему ты оставил ее тут? – Я оглянулась и встретила пронзительный взгляд.

– Она не захотела идти со мной. Я никого не заставляю, София. Каждый сам выбирает свою судьбу. Разве ты не по собственному желанию взялась за мою карту? Разве ты не знала правил? Никакого обмана, все честно. Я честно предупреждаю, но никого не заставляю. Выбор за тобой.

– Это не настоящий выбор. Ты приволок меня в башню, и я могу выбирать – умирать от лусов или умирать от твоего Хозяина. Отличный выбор!

– Почему ты думаешь, что умрешь, встретившись с моим Хозяином?

Теперь Иoko в самом деле заинтересовался. Его брови полезли вверх, лицо помолодело на глазах – и на меня взглянул веселый мальчишка.

– Потому что ты сам сказал, что твой Хозяин – Злой Дух. Чего еще можно ожидать от Злого Духа? Он же не добрый, верно? Его потому так и называли, что он делает злые дела. Это же ясно.

– Согласен. Логично. Мне нравится, как ты рассуждаешь. Последние мои подопечные не рассуждали, а все больше орали и плакали. Продолжай, София.

Мое имя он произносил четко и медленно, тщательно выговаривая звуки и делая ударения на всех гласных. Я поморщилась, шагнула назад, отступая от скелета, натолкнулась взглядом на стену над камином и углядела череп, выбитый на ней, каменную выпуклую черепашку с большими глазницами, идеально круглой макушкой и без нижней челюсти.

Точно такой же череп я рисовала в углу своих рисунков.

– Что означает этот череп? – спросила я.

– Это знак Хозяина. Во?рон и череп – его знаки. Всегда были. Мы можем не успеть. Что ты выбрала, София?

– Собираю вещи и иду с тобой. Куда я могу сложить нужные вещи?

– Все найдешь в Шкафу Желаний. Только открывай не все дверцы сразу, а по одной и по очереди. Посмотрим, что ты можешь пожелать.

Иoko опять улыбнулся, взъерошил волосы и приблизился. Складки его черного плаща мягко зашуршали, сам он оказался в тени и очень близко от меня, так что я уловила запах пыли, железа и еще чего-то терпкого и незнакомого, похожего на запах неизвестных растений.

– Ладно. Открываем дверки Шкафа Желаний, – пробормотала я.

Мне хотелось бы отдельно рассказать о загадочном шкафе из башни Иоко. Он сыграл слишком важную роль в моей судьбе, чтобы забыть о нем.

В идеально круглом зале не было ниш, выступов или еще чего-нибудь ровного, куда можно было бы пристроить прямоугольную мебель. Поэтому шкаф неожиданно для меня оказался закругленным. Он занимал простенок между камином и окнами и тянулся длинной линией вдоль всей стены.

Он идеально повторял изгиб стены, и даже его дверцы были вогнутыми, закругленными. На каждой из них было изображение во?рона с разных ракурсов – вырезано на филенке и раскрашено черной краской. Железные ручки представляли собой витые стебли трав, и все створки были одного размера.

Я открыла первую от камина створку и восторженно прошептала:

– Мама миа...

Передо мной оказались полки, забитые стопками клетчатых рубашек. Я уже говорила, что обожаю клетчатые рубашки. Развернув первую же попавшуюся, я увидела, что она байковая, приталенная, с кармашками на груди и с молнией вместо пуговиц. На горловине имелся товарный знак «Колинза».

– С ума сойти! – восхитилась я. – Я беру эту рубашку. И еще несколько. Прямо все...

– Некоторые желания должны исполняться, – улыбнулся Иоко. – Пожелай правильно, не сглупи, как с вопросами.

И тогда я поняла, как работает шкаф.

В нем было всего семь створок, значит, я могла пожелать семь раз. И одно мое желание уже исполнено – передо мной лежали стопки рубашек, выбирай какую хочешь.

Все происходящее казалось сном, но таким реальным, что холод, ужас и темноту я могла осязать. Может, мне все же снится все это? Ведь так уже случалось, что похожие на реальность сны я запечатлела в красках.

Но мог ли присниться розовый мобильник, валяющийся в пыли? А обглоданные кости могли присниться?

Сон это или не сон, но я не желала оставаться в башне. Уж лучше уйти с Иоко, чем встретиться с жуткими лусами, пусть даже и во сне. Выбор был сделан, и значит, мне надо собраться в путь. Башня милостиво помогала мне, и это было большим плюсом. Если дорога дальняя, мне много чего может понадобиться, поэтому я сосредоточилась.

У меня мелькнула мысль пожелать, чтобы Шкаф Желаний отправил меня домой, но я тут же отмела ее. Уже было понятно, что в этом мире все не просто, все с подвохом и тайным смыслом. Потому вряд ли я смогу попросить вернуть меня домой и потратить драгоценное желание.

Я сделала по-другому.

Я выбрала несколько рубашек – пару теплых, одну с капюшоном и несколько с короткими рукавами. В мире Безвременья (как назвал его Иоко) было вполне тепло, даже ночью. Но мало ли что, пусть у меня будет парочка вещей с длинными рукавами, вдруг пригодятся...

У меня не было ни сумки, ни рюкзака, куда бы я могла все это сложить. Значит, следующее пожелание вполне ясно.

Я закрыла створку и с удивлением уставилась на изображение во?рона на ней. Птица повернулась, расправила крылья, посмотрела на меня блестящим хитрым глазом и застыла, точно ничего странного и не произошло.

– Он шевелится! – выдохнула я, отпрянув от шкафа.

– Не трать время. Конечно, шевелится. Семь во?ронов – семь мудрецов, исполняющих желания. Это они творят для тебя магию. А ты думала, что волшебство делает шкаф, что ли? – усмехнулся Иоко и нетерпеливо притопнул

ногой. – Желай дальше!

– А ты не торопи. Надо сосредоточиться, – рассердилась я.

Следующего пожелания я не произносила вслух, просто подумала и открыла очередную створку. Конечно, я тогда немного сомневалась, что пожелание подействует, что шкаф не выкинет какую-нибудь шутку со мной. Кто их знает в этих странных темных мирах?

На открывшихся полках лежали рюкзаки. От маленьких до больших – множество самых разных рюкзаков. Походные, спортивные, военные. Вот уж точно, в башне есть выбор!

Я выбрала рюкзак обычного размера – вроде того, с какими ходят в школу, но со множеством карманчиков, уложила на дно рубашки и уже смелее и быстрее взялась за следующую дверку. Во?рон на предыдущей дверке точно так же развернулся, взмахнул крыльями, опустил голову и застыл, довольный и веселый. Ладно, поехали дальше.

У меня оставалось пять пожеланий, и я решила задумать самые нужные вещи. Одеяло – тонкое шерстяное, чтобы не занимало много места, но было теплым. Лекарства – на всякий случай, вдруг поранюсь или еще что-нибудь. В боковой карманчик я сунула мазь с антибиотиком, по пачке парацетамола и цитрамона, таблетки от кашля, йод, пластырь, вату, спирт, бинты, детский крем от загара и несколько упаковок витамина С.

Затем я подумала о еде. Иоко не уточнял, чем собирается кормить меня, но вдруг с кормежкой здесь напряженка? Поэтому я упаковала сухари, крупу, пару банок консервов, сыр, чипсы, жвачку и еще кое-что нужное из продуктов. Еще мне понадобились мыло, шампунь, зубная паста и зубная щетка – если будем идти несколько дней, я не собираюсь оставаться грязной.

Иоко только кивал головой и морщился, поглядывая время от времени на окно. Видно было, что он торопится.

Над последним желанием я задумалась. Все самое нужное у меня уже было. Что еще? Может, краски, карандаши и альбом? Здесь столько необычного, что я с удовольствием нарисовала бы и башню, и две луны, и много чего еще.

И с последним пожеланием я получила цветные карандаши, маркеры, краски, кисти и парочку небольших альбомов. Все это отлично уместилось в переднем кармашке моего рюкзака.

– Готово, – сказала я, глядя, как наклоняет голову последний во?рон на последней створке.

– Тогда идем! Пора, – сказал Иоко и двинулся к высоким стрельчатым дверям – единственным дверям в круглом зале круглой башни.

#Глава 4

1

Узкую винтовую лестницу освещали только луны, заглядывавшие в немногие окна. Но этого было вполне достаточно, чтобы рассмотреть синеватые камни, из которых она была сложена, шероховатые стены с выбитыми на них фигурками во?ронов и попадающиеся на каждом этаже высокие деревянные двери.

– Что там, за дверями? – поинтересовалась я.

Торжественная тишина башни была пугающей, заставляя понижать голос и ступать тихо и осторожно.

– Не знаю. Никогда не заглядывал, – ответил Иоко.

– Но это же твоя башня... Или нет?

– Моя. Но я не заглядывал во все комнаты.

– Почему?

– Зачем?

– Интересно, – заметила я.

Иоко шел впереди меня уверенно и быстро. Он оглянулся, пожал плечами.

– Что интересного? В этой башне никто никогда не бывает, кроме меня. Пустые комнаты. Только днем приходят лусы, но мы же не хотим с ними встречаться, верно? Не хочешь проблем – не открывай какие попало двери. Хотя Безвременье и пустой мир, сюда любят наведываться разные твари. Поэтому лучше быть осторожным. Запомни это, София.

Я согласно кивнула и схватилась рукой за стену, чтобы не свалиться на крутом повороте. Этажей башни я не считала, мной овладел священный ужас, и я что есть мочи вглядывалась под ноги, чтобы не упасть и не наступить на что-нибудь... этакое. Предчувствие не обмануло меня. На очередном повороте, привалившись к окну, нас поджидал еще один скелет. Обглоданные останки и белый череп, лежащий на подоконнике.

– Его тоже съели лусы? – запинаящимся голосом уточнила я.

– Тоже. Этот был мой любимый. Умный и почти разгадал секрет шкафа, вот как ты. Только, открывая очередную створку, он пожелал вернуться домой. Пожелал вслух. И Шкаф перестал выполнять его желания, потому что он не работает как портал. Пришлось оставить незадачливого путешественника в башне – он не был готов путешествовать со мной и все равно погиб бы.

– И тебе не было его жалко? – хмуро поинтересовалась я.

– Жалко? София, я привожу сюда немало людей, это моя работа, моя задача. Другого не знаю. Я не могу жалеть их всех, иначе мне придется умереть от тоски. А умирать мне, знаешь ли, не хочется...

Он опять заговорил как мальчишка, обернулся, блеснул веселыми глазами, и мне подумалось, что угадать возраст Иоко невозможно. Сколько ему лет на самом деле?

– Сколько тебе лет? – тут же спросила я.

– Ты задаешь очень много вопросов. Ты забыла, что я тебе рассказал? Это Безвременье, тут нет времени. Вообще нет. Никто не исчисляет дни, годы, месяцы и так далее. Луны светят так, как им хочется, день длится столько, сколько ему хочется. У меня нет возраста, и у тебя его теперь тоже нет. Поэтому не спрашивай сколько мне лет и не считай свои годы. Теперь тебе это не понадобится. Могу поклясться, что здесь ты точно не состаришься. – Иоко усмехнулся, хлопнул ладонью по стене, толкнул ногой тяжелую деревянную дверь, на которой неизвестный художник вырезал множество во?ронов, и вышел на улицу.

Я последовала за ним, с опаской оглядываясь и прижимая к боку рюкзак, висящий на плече на одной лямке. Меня встретил теплый ветер, пахнущий приятно и терпко, под ногами за клубилась пыль. Здешняя земля – чернее ночи, жирнее масла – рождала высокие серо-синие травы, которые поднимались вверх почти на метр. Каждая травинка заканчивалась изящным завитком, и завитки эти трепетали, разворачивались и сворачивались на бойком ветру, издавая еле слышный шелест.

Травы шелестели, и в них что-то потрескивало и пощелкивало – вот и все звуки в окружающем меня пейзаже. От самой двери бежала вперед широкая удобная дорога из синего камня, вдоль нее росли травы – и больше ничего, сколько я ни оглядывалась.

Башня стояла на одиноком холме, а внизу простиралась залитая лунным светом равнина с такими же синими травами, по которой, теряясь среди них, бежала каменная дорога.

– Нам всего лишь надо двигаться по каменной дороге, – словно читая мои мысли, проговорил Иоко, – здесь все каменные дороги ведут в центр земель к большому дереву. А возле него вход в портал, который и приведет к Хозяину. Все просто, но идти придется несколько дней, а места тут опасные. Поэтому держись рядом и ни в коем случае не сходи с дороги. Поняла?

В ответ я только пожала плечами.

Тогда Иоко снова повторил:

– Ни в коем случае не сходи с дороги, это непременно погубит тебя. Такие правила. Ясно?

– Ясно, – я закивала, – что тут неясного?

Иоко зашагал вперед, и я двинулась за ним, время от времени оглядываясь и окидывая взглядом высоченную башню. Я все еще не избавилась от смутного сомнения, что это – всего лишь страшный сон, который снится в лунную ночь. Я потихоньку пощипывала себя за руки и время от времени широко раскрывала глаза, пытаюсь прогнать наваждение.

Разумеется, это мне не помогало, потому что и встреча с Иоко, и его башня существовали на самом деле и деваться от этого мне было некуда. Я согласилась играть по правилам колдуна, да и что я могла поделать?

Мысль о лусах меня пугала, и вообще не хотелось остаться одной в этих опасных и непонятных землях. С другой-то стороны, можно сказать, еще повезло, что в рюкзаке у меня есть еда, питье (минералку в полторалитровой пластиковой бутылке тоже щедро подарил мне Шкаф Желаний) и мыло. Я, по крайней мере, не голодна, не заблудилась и на меня никто не нападает. Это уже хорошо.

Затем я подумала о загадочном Шкафе Желаний. Почему он явил мне именно клетчатые рубашки? Ведь в тот момент я думала вовсе не о них. Я желала оказаться в своей комнате – вот единственное горячее желание, что горело в моей душе тогда. Почему все-таки рубашки?

Потому что Шкаф подсказывал мне, какое принять решение. И рубашки были подсказкой. Я могла заказать то, что мне очень нравится или что очень нужно. Могла, например, подумать о дорогом смартфоне (хотя у меня тоже был неплохой), могла пожелать ноутбук, графический планшет – да хоть мерседес белого цвета! Могла пожелать все что угодно из вещей.

Шкаф мог снабдить меня вещами – вот что он подсказывал. Вещами, которые я хочу иметь или которые мне будут нужны. Как странно, что я проявила удивительное благоразумие и решила пожелать только то, что могло понадобиться в пути!

Почему-то только сейчас мне пришло в голову, что можно было заказать зеркальный фотоаппарат, о котором я уже давно мечтаю, или крутой велосипед. Было бы здорово сейчас ехать на велике, а не шагать по каменной дороге.

Только Иоко в таком случае уж точно отстал бы от меня...

Нет, все это глупости. Я заказала только необходимое – и ничего лишнего. Шкаф подсказывал, и я уловила его подсказку. Он не исполнял желания, как говорил Иоко, он просто предоставлял некоторые вещи. А вещи не могут быть желанием, они ведь и так есть в нашей жизни.

Хорошо было бы, если б такие подсказки и дальше попадались на моем пути – тогда мне было бы легче и я постаралась бы не упустить их.

Иоко скинул черный плащ с капюшоном и остался в синей рубашке и серых штанах, заправленных в высокие ботинки. Весь он казался сотканным из сине-серебрянных лунных лучей – по крайней мере мне так казалось. Его длинные заправленные за уши волосы слегка отсвечивали синим, высокая фигура поднималась над травами, точно нарисованный на синей бумаге силуэт. Он будто еще больше помолодел, узкие плечи и тонкие пальцы рук делали его похожим на очень высокого мальчишку.

Сама я едва доставала ему макушкой до плеча, хотя и не могла похвастаться высоким ростом. На физкультуре я стояла самой последней и не припомню случая, чтобы за мной ставили кого-то еще. Естественно, что Иоко был гораздо выше меня.

В руке у него невесть откуда появился длинный посох из мрачного темного дерева – ничем не примечательная суковатая палка. Он опирался на нее и шагал довольно быстро.

Мы шли долго, но вокруг ничего не менялось, как будто в здешнем мире действительно все застыло. Лишь башня Иоко удалялась от нас и совсем скоро пропала из виду. Вокруг остались лишь синие травы да каменная дорога, и мы словно завязли в пространстве.

Я вытянула руку и провела по траве ладонью, ощущая шелковистые завитки под пальцами. Иоко тут же дернулся, перехватил мое запястье и сердито велел:

– Никогда больше этого не делай. Знаешь, кто сидит в этих травах? Разве не слышишь?

Он осторожно взял что-то с одного из стеблей и показал мне какую-то тварь, похожую на насекомое. У нее были прозрачные, еле заметные крылья, точно у стрекозы, крепкие цепкие лапы и вытянутая морда, напоминающая морду дракона. Размером это создание превосходило ладонь Иоко, и тот держал его пальцами крепко и аккуратно, сжимая за утолщенное туловище.

Тварь поджимала длинный хвост и наклоняла голову с вытянутым хоботком, пытаясь достать до руки колдуна, но тот управлялся с ней очень умело.

– Это хас. Если он ужалит, рука распухнет на несколько ночей точно. Так что держись подальше от травы. Хасы всегда трещат ночами, слышишь? Они поют свои песни, которые нам понять не дано.

Он махнул рукой, выкинул хаса в траву и выжидающе взглянул на меня.

– Понятно. Буду иметь в виду, – ответила я. – Просто ты сказал, что это пустой мир, а оказывается, и не пустой вовсе. Оказывается, тут водятся и лусы, и хасы. И все опасны.

– Это пустой мир, я тебе не соврал, – Иоко двинулся вперед, продолжая рассказывать, – но тут есть порталы, через которые из разных миров приходят разные твари. Порталами управляет Хозяин, он любит такие вещи. Я не бывал в мире хасов или в мире лусов, да и не полез бы туда по доброй воле. Здесь таких тварей полно, просто надо знать, как с ними обращаться. Хасы сами по себе не нападают, они не питаются людьми. Но они не любят, когда их тревожат. Поэтому в траву не лезь. Я же сказал тебе – с дороги никуда не сворачивать. Хочешь уцелеть – оставайся на дороге, София.

Потом оглянулся, улыбнулся и снова заговорил:

– Я сам из этого мира.

– Как называется твой мир?

– Безвременье, я уже говорил тебе. Здесь кругом одно Безвременье.

– Откуда ты?

– Это не имеет значения, – голос Иоко стал совсем низким и хриплым, – это было так давно, что я ничего не помню.

– Не помнишь своего родного дома? Как это может быть?

– Ты задаешь слишком много вопросов, София. Я хочу, чтобы ты шла молча, понимаешь? И хочу, чтобы шла быстро. Поэтому закрой рот и двигай ногами. – Он помолчал и добавил с ехидцей в голосе: – Твое имя слишком длинное, неудобное... я буду называть тебя просто Со.

– Ладно. В таком случае я буду называть тебя Ио.

– Договорились. Только без вопросов.

2

Всю мою жизнь, сколько помню себя, меня снедало одного горячее и заветное желание. Я хотела быть такой, как все, – обычным ребенком с нормальным лицом без уродливого пятна, украшающего почти всю мою щеку.

Первые несколько лет я росла у бабушки. Она не отдавала меня в детский сад, потому что отказалась от прививок. Кто-то сказал ей, что такие пятна, как у меня, могут привести к раку, и она решила перестраховаться и не прививать меня. Без прививок не пускают в детский сад, поэтому первые шесть лет я провела во дворе бабушкиного дома в компании двух кошек, одной собаки и целой оравы кроликов, которых бабушка разводила ради меня, «чтобы у ребенка было домашнее диетическое мясо».

Бабушка меня на самом деле любила.

Вся прелесть золотого детства закончилась первого сентября, когда меня отвели в школу. Фотография, сделанная в этот день, валяется у меня в ящике

стола, и я на ней просто сияю – с этими большими белыми бантами и огромным букетом белых роз из бабушкиного палисадника. Мои медно-русые локоны лежат на плечах милыми тугими кольцами, прихваченные в хвосты по бокам головы. Над глазами золотистая челочка, на щеках – детские ямочки.

И жуткое пятно. Какое-то время я даже недоумевала – неужели фотограф не догадался отфотошопить этот ужас? Почему ему не пришла в голову такая простая мысль?

Бабушка завела меня в класс, усадила за парту и ушла. Мальчик, который оказался рядом, какое-то время жался на краю стула и отодвигал от меня плечо. А после вдруг расплакался, тихо и безутешно. Учительница тут же взялась спрашивать его: в чем дело?

Оказалось, что он боится меня. Так и сказал, что не хочет сидеть «с этой девочкой, потому что она страшная». Дети засмеялись, стали показывать на меня руками, кто-то обозвал уродкой. И весь остаток праздничного дня первого сентября я просидела одна за последней партой, потому что со мной боялись сидеть. Меня боялись.

Учительница, конечно, сказала, что нельзя смеяться над одноклассницей и всем нам надо подружиться, но к ее словам никто не отнесся серьезно. Во всяком случае, уродкой меня называли еще долго, пока не придумали новую кличку. И пока я не заслужила некоего подобия уважения из-за хорошей учебы. У меня стали списывать – поэтому перестали дразнить.

Мне так и не удалось стать такой, как все, и шагая за Йоко, я подумала, что, возможно, это судьба. Да, такая у меня судьба: я родилась под несчастливой звездой. Наташе из моего подъезда удалось задать вопросы, получить дельные ответы, и ее не увлекло в странный мир Безвременья. А я сплеховала с первого же раза, причем так глупо, так бестолково, что и слов нет.

И теперь приходилось следовать за колдуном к какому-то загадочному Хозяину, и что со мной будет – неизвестно. Оказалось, что, несмотря на пятно на лице, умирать в чужом мире мне вовсе не хотелось. Я бы еще пожила, рисовала бы свои картины, слушала музыку, ела чипсы, и мне было бы хорошо в моей комнате.

Мне страшно хотелось вернуться обратно, но я продолжала шагать по каменной дороге, придерживая рюкзак, а впереди молча двигался неугомонный Иоко. Невеселое это оказалось путешествие.

Наконец дорога пошла в гору – начался пологий подъем. А две луны, между тем, стали опускаться, и мы еще не добрались до верха холма, как большая голубая луна коснулась горизонта выпуклым краем. Маленькая белая луна, что держалась все время рядом, висела над травами так, словно готова была нырнуть в них и утонуть.

На большой луне я рассмотрела темные пятна – словно загадочные материки. Видимо, в здешнем мире у спутника планеты имелся свой спутник и маленькая луна на самом деле была луной для большой. Я только собралась спросить об этом у Иоко, как тот обернулся.

– Мы не успеваем. Совсем скоро взойдет солнце, а мы еще не дошли до Мышиной лестницы. Это потому, что ты слишком долго копалась со своими желаниями.

– Но ты же все равно не знал, успеем мы или нет. Ты сам сказал, что ночь тут длится сколько желает, так же как и день. Может, нынешняя ночь пожелала закончиться пораньше?

– Может, и так. Но она пожелала это только потому, что ты слишком копаешься. Я бы на ее месте точно пожелал. Если не успеем пройти Мышиную лестницу до восхода, нас сожрут лусы.

– Что за Мышиная лестница?

– Обыкновенная Мышиная лестница.

– На ней что, живут мыши? – съехидничала я.

– Почему живут? Они спускаются по ней, когда заходят в наш мир. У них там портал из их мира, и они любят приходить на восходе и лопать хасов. Хасы для них – любимое лакомство.

– Отлично. Надеюсь, что люди для них не любимое лакомство, – зло парировала я.

– Они не едят людей. Бояться надо не мышей, а лусов.

– Я уже поняла.

Мы прибавили шагу, а вернее, просто побежали. Иоко неслась вперед с такой скоростью, что я тут же отстала и он принялся ругать меня, страдая жуткими лусами. Я выбивалась из сил, пытаюсь поспеть за ним, злилась и потела, а дурацкие луны все ползли и ползли за горизонт, и когда мы оказались на вершине холма, половина голубой луны уже успела закатиться.

– Вот она, Мышиная лестница, – сказал Иоко.

Мог бы и не говорить, я и сама поняла.

Вы видели когда-нибудь каменных мышей? Нет? Вот и я не видела до той злосчастной ночи. Передо мной убегали вниз узенькие маленькие ступеньки, количеством никак не меньше двух сотен, а по ним, переваливаясь, тяжело поднимая лапы и тихо пофыркивая, ползли каменные мыши. Размером они слегка превосходили наших мышей, но не это удивляло. У каждой на спинке торчал горбатый панцирь, цветом очень сильно напоминающий булыжник. Серые гладкие панцири с ножками, хвостиками и ушастыми головками передвигались по лесенке, а сами ступеньки размером как раз подходили для этих созданий.

К шумному стрекоту хасов добавилось мышиное пыхтение.

– Вперед, – скомандовал Иоко, и мы помчались вниз по Мышиной лестнице.

На самом деле она была жутко неудобной, потому что на узкой ступеньке невозможно было поставить всю ногу, только носочек, и если наступать на каждую ступеньку, то получалось долго и мучительно. Поэтому Иоко ловко перепрыгивал сразу через четыре-пять ступеней и неслась вперед, точно огромный во?рон. Я же качалась, спотыкалась и то и дело тормозила, отыскивая подходящее место, куда наступить.

А лестница была такая длиннющая, что и конца не видно. Только темно-синяя рубашка Иоко мелькала в светлеющем воздухе. Становилось теплее, и за моим левым плечом горизонт разгорался розовыми и желтыми красками, такими яркими и насыщенными, будто их только что нанесли маслом.

– Как только закончатся мыши, появятся лусы, – не оборачиваясь, крикнул Иоко, и я снова прибавила шагу, чуть не упав при этом. – Портал находится внизу, в начале лестницы, – снова крикнул мой сопровождающий.

Я оглянулась. Мыши все еще поднимались вверх, медленно и тяжело. Но едва мы достигли подножия холма и многочисленные ступеньки, наконец, закончились, выводя все к той же синей дороге, пространство утонуло в белесом тумане.

– Портал открылся, – произнес Иоко, загородил меня собой и развернулся лицом к вершине холма. Я тоже подняла голову, пытаюсь хоть что-то рассмотреть в наползающей дымке, но ничего подозрительного не заметила. Мыши пропали, растворились в синей траве, и пустые ступеньки белели, просвечивая сквозь туман.

– Отойди к скале! – зло крикнул Иоко.

Я попятилась, и в тот же момент раздался утробный рокочущий звук, который несся как будто из-под земли. Травы вздрогнули, тревожно зашелестели.

Иоко чуть-чуть отступил от лестницы, еще раз крикнул мне, чтобы я убиралась к скале, и вдруг словно раздался в плечах, стал еще выше ростом, и синяя рубашка натянулась, обхватывая крепкие мышцы спины. Его фигура налилась гневным напряжением, ноги уперлись в синий камень, а загадочный деревянный посох в руках заискрился, выбрасывая в воздух еле заметные белые вспышки.

Посох стал меняться на глазах, и боюсь, я наблюдала за всем этим с открытым ртом. Древесина почернела, а на концах выдвинулись синие блестящие лезвия, которые сияли и тихо потрескивали. Два узких боевых лезвия-ножа на обоих концах Посоха. Непростая палка оказалась у Иоко!

Да и сам он был не так прост, каким казался поначалу.

А туман на вершине лестницы все клубился, наполняя окружающее пространство жутким рычанием. У меня от страха тряслись колени и потели ладони. Я прижалась к гладкой сине-серой скале, которая неровными зубцами тянулась рядом с дорогой, и подумала, что после того, как лусы нападут, от меня останутся лишь обглоданные кеды и краски...

Наконец появился лус. Возникшая из тумана быстро летящая горячая темно-зеленая туша сразу обрушилась на Йоко, и длинный хвост с такой силой ударил о каменные ступеньки, что они жалобно затрещали. Вот, значит, отчего появились те трещины, что попадались мне при спуске! Я долго не могла рассмотреть луса как следует.

Он был огромным, как слон. Темно-зеленая кожа его была гладкой и плотной, когтистые лапы длинными, а голова с маленькими ушками и вытянутой челюстью – подвижной и опасной. Челюсти его щелкнули буквально перед лицом Йоко, но мой спутник успел сунуть в пасть твари свой посох, с силой повернул его и оттолкнул чудовище.

Лус отлетел назад, но ловко извернулся и приземлился на лапы. Он тут же подскочил и снова кинулся на Йоко, но теперь уже его встретил светящийся клинок посоха и пронзил его гибкое тело насквозь. Тонкое светящееся острие вышло из спины хищника между лопаток.

Лус взревел, мотнул головой, но Йоко крепко держал его на вытянутом посохе. Прижав зверя к ступеням, он с силой выдернул посох, еще раз взмахнул им и отсек лусову голову, которая с глухим стуком скатилась к подножию лестницы.

– Готово! – выдохнул Йоко и оглянулся.

В его глазах все еще плескалась бешеная ярость, руки продолжали сжимать посох, и я попятилась, подумав, что моего провожатого, пожалуй, тоже надо опасаться. Он силен и опасен.

– Ты убил луса... – пробормотала я.

– И не в первый раз. Пошли, пока не появились следующие. Они обычно передвигаются по одному, в стаи не сбиваются. Но лучше не ждать следующей атаки. Мы добрались до Убежища.

Иоко приблизился к скале, к которой я прижималась, и с силой стукнул в нее светящимся лезвием посоха. Скала вздрогнула, и небольшая ее часть – промежуток между двумя каменными зубцами – поползла в сторону. Передо мной появился темный проход. Иоко сунул в него свой посох, который тут же осветил удобную сухую дорогу, посыпанную песком, и велел:

– Проходи, живее!

#Глава 5

1

Наступил день, и жаркое солнце разгоралось над горизонтом, заливая все ярким светом и преображая мир, – вот что я увидела, пройдя долгим пещерным коридором и выйдя через узкое отверстие наружу. Передо мной плескалось зелено-желтое озеро с диковинными голубовато-белыми цветами и резными толстыми листьями, плавающими на поверхности.

С одной стороны озеро огибали высокие скалы, с другой к самой воде подступал густой лес, где темная кора деревьев отливала синим, а узкие листья сворачивались в крутые завитки.

– Здесь безопасно. Здесь нет порталов, – проговорил Иоко, пропустив меня вперед и следуя за мной.

– Поэтому нет ни хасов, ни лусов, – добавила я.

– Разумеется. Это первое Убежище, и тебе повезло, что мы успели добраться сюда. Теперь можно и отдохнуть. Поедим, выпьемся и дождемся следующей ночи. Здесь есть небольшое озеро, можешь искупаться там. После поедем и ляжем спать.

– А что будем есть? У меня есть крупа, можно сварить кашу, – предложила я.

– Оставь на трудные дни. Еще придет время для твоих запасов. Пока что обойдемся рыбным пирогом.

Иоко вошел в небольшую пещеру, что находилась тут же, у самого берега, и заглянув туда, я обнаружила небольшую железную печку с длинной трубой, сложенный из плоских камней стол с круглой деревянной столешницей и сделанную из дерева лежанку, на которой горкой лежала сухая трава. Так вот оно, значит, какое – загадочное Убежище колдуна.

– Неплохо тут у тебя все устроено, – проговорила я, рассматривая диковинные узоры на печной дверце.

– Это одно из лучших Убежищ. Не все такие удобные, – пояснил Иоко и принялся собирать сухие сучья, которых вокруг было сколько угодно.

Я достала мыло и зубную пасту и прошлепала к озеру. Оно скрывалось за скалой, на песчаном берегу лежали огромные камни, куда можно было пристроить одежду. Вода оказалась теплой и ласковой, я наскоро ополоснулась, а вернувшись, увидела, что Иоко чистит только что пойманную рыбу. А мука и масло хранились у него на полочке, в деревянных пузатых бочонках.

Иоко взял огромную глиняную миску, высыпал в нее муку, налил масла, добавил воды из ручья, что впадал в озерцо, потом поднял посох – который, кстати, снова стал обычной палкой, – направил его нижний конец на миску и слегка тряхнул им. Посох вытянулся, сделался тонким и серебристым. Иоко какое-то время потряс им над миской, и тесто стало замешиваться само собой прямо у меня на глазах.

Видимо, челюсть у меня в этот момент совсем отвисла, потому что колдун, взглянув на меня, весело усмехнулся. Он еще раз тряхнул посохом, потом достал и слегка присыпал мукой круглую толстенную деревянную доску, после чего перевернул миску и плюхнул готовое тесто на доску.

Еще взмах – и тесто само собой раскаталось в плоский круглый блин, на который Иоко выложил какие-то травы и корнеплоды, затем куски рыбы и сверху еще что-то.

Получилась как бы рыбная пицца, которую Иоко сунул на решетку в печь. Угли в ней прогорели, и из нее тянуло сильнейшим жаром.

– Сейчас будет готово. – Иоко поставил посох за своей спиной, прислонив к каменной стене, сел на корточки у печной дверцы и посмотрел на меня.

– А ты молодец, приняла верное решение и пошла за мной. Я думал, останешься в башне. Представляю, как бы лусы обгладывали твои косточки.

– А что бы сказал на это твой Хозяин? Разве ты не должен доставить меня в целости и сохранности? Ведь это твое задание, правильно? – ехидно спросила я.

На самом деле меня слегка удивлял его цинизм. Он относился ко мне так, словно я была его забавой, игрушкой или развлечением, а смерть в зубах лусов – лишь смешной эпизод. И это при том, что совсем недавно он храбро защитил меня, сражаясь с хищником.

– Все не так просто, – ни капли не удивившись, ответил Иоко, – Хозяину нужны только особенные. Избранные. Те, что смогут преодолеть все опасности и пройти все шесть Перекрестков. – Слово «перекрестки» он произнес с некоторой торжественностью и слегка понизив голос. – На самом деле препятствия помогают найти особенных, избранных. Подготовленных. Только тот, кто дойдет до Дерева в центре Безвременья, и встретится с Хозяином.

– А зачем?

– Что зачем?

– Зачем Хозяину избранные?

– Этого я не знаю. Да и какая мне разница? Лучше давай посмотрим, как там наш пирог. Чувствуешь, как пахнет? Наверняка уже готов. Можно было, конечно, испечь его с помощью Посоха, но выходит не так вкусно и корочка не такая хрустящая получается. Рыбный пирог – это лучшее, что есть в здешнем озере. Таким вкусным его делают вода из ручья и растущие тут травы. Лучше пирога я не едал нигде, даже у Агамы, хозяйки четвертого Убежища.

- В четвертом Убежище есть хозяйка?
- Это постоянный двор, собственно. И там есть хозяйка.
- Здесь же пустой мир, откуда тут постоянный двор?
- Он тоже пустой. Кроме нас, Проводников, там никто не бывает.
- Проводников? Тебя надо называть Проводником?
- Да, верно. Меня называют так. Всего нас двенадцать Проводников, по трое на каждую сторону карты.
- И все приводят к Хозяину людей из моего мира?
- Да.
- И каждый обладает своей картой?
- Да. Ты все правильно поняла. Пирог готов, доставай с полки тарелки.

Иоко плюхнул на столешницу горячую доску с круглым пирогом, и я смогла насладиться видом поджаристой лепешки, запеченных овощей и корней и вдохнуть незабываемо вкусный аромат. Свою долю пирога я проглотила очень быстро и запила минералкой, которую Иоко обозвал соленой. Солнце сияло вовсю, вода в озере сверкала солнечными бликами, но я поняла, что сейчас самое время лечь спать.

- Устраивайся на топчане. Траву накрой моим плащом, - предложил Иоко.
- У меня есть одеяло, - пояснила я.

Стянув кеды, я улеглась, но в голове моей теснилось столько вопросов, что, преодолев сонливость, я снова принялась за расспросы.

- У тебя волшебный посох, да?

– Дело не в Посохе. – Иоко, который успел вымыть большую миску из-под теста и теперь пристраивал ее на полке, посмотрел на меня удивленно. – Дело во мне. В моих руках любая палка станет Посохом. Я управляю Энергией Жизни, отсюда мои способности.

– И этой энергией ты распоряжаешься по собственному усмотрению или Хозяин говорит, что тебе делать?

– Хозяин мне ничего не говорит, я его не вижу. Я сам решаю, что мне делать. Но в этом мире делать нечего, остается только приводить души к Хозяину.

– А когда не приводишь никого, когда тебя никто не вызывает через карту, что делаешь? – не унималась я.

– Путешествую. Я много хожу по миру. Я вроде бы должен что-то отыскать, но не знаю точно – что.

– Разве так бывает?

– Всякое бывает. Спи уже, надоели твои расспросы. Никто не задавал мне столько вопросов, сколько задаешь ты, – голос Иоко стал ворчливым и усталым. – Я тоже лягу спать. Принесу побольше травы и устроюсь у печки. Как только солнце сядет, двинемся в путь. А оно может сесть очень быстро.

Я совершенно не стеснялась Иоко. Не отворачивала лица, не старалась спрятать пятно. Мне было все равно, что он обо мне думает. Не знаю почему, но мне Иоко казался нереальным и слишком красивым, как сказочный герой. Он и был сказочным героем, только ненастоящим.

Все в мире Безвременья казалось мне ненастоящим, как будто все это происходило не со мной, а с кем-то другим, а я лишь наблюдаю со стороны.

Я не думала, что Иоко злой и по злему умыслу украл меня. Он был не злым, а равнодушным, как будто на самом деле ему все равно, что будет со мной, скучаю ли я по своим родителям, желаю ли вернуться. Это не трогало его и не интересовало.

Растянувшись на охапке сухой травы, он пристроил рядом Посох, заложил руки за голову и довольно быстро засопел.

На самом деле я ни по кому не скучала. Мне не спалось, перед глазами то мелькала жуткая морда луса с оскаленными клыками, а то вдруг возникали черные во?роны, изображенные на шкафу. Они кланялись и косили блестящими черными глазами, и от этого у меня по коже бежали мурашки.

Но родных я не вспоминала.

Я поняла, что мне скучать не по кому. Я не думала о брате, об отце и мачехе – мне было совершенно все равно, ищут они меня или нет. Пусть поволнуются, хотя и вряд ли станут сильно переживать. Ольга – та в глубине души наверняка рада, что я пропала. Для нее одной проблемой меньше, да и комната освободилась.

Но там остались мои краски и рисунки, и вот их мне было немного жаль. Правда, сейчас в моем рюкзаке лежала самая лучшая акварель, какую только можно себе представить. И самые лучшие маркеры, и самые лучшие мелки. У меня с собой было все для рисования, и я собиралась обязательно что-нибудь нарисовать.

2

Мне приснился старый и хорошо знакомый сон. Я бреду по разрушенному городу, в котором стены и дома из синего камня возвышаются над синей травой. За мной кто-то гонится, и я тороплюсь, спешу, сжимая в руке лямку рюкзака. И помню одно – мне надо дойти до площади, где нет трав, а только синий камень.

После сон поменялся и я увидела башню Иоко. Хмурые стены, закрытые створки Шкафа Желаний. И большой круглый стол посередине. Тот самый стол, на кромке которого серебрилась надпись: «В башне есть выбор». Выпуклые буквы казались такими красивыми, что я приблизилась, провела по ним пальцами и произнесла вслух:

– В башне есть выбор.

От этих своих слов я и проснулась.

Иоко уже успел встать и искупаться, а теперь сидел на корточках перед печкой и с его волос капала вода. Он был без рубашки, которую умудрился выстирать и пристроить на веревке. Все еще припекающее солнце стояло высоко, будто мы и не спали несколько часов подряд.

Хотя о каких часах я говорю? В мире Безвременья не было времени, поэтому никто не мог сказать наверняка, когда же наступит вечер. Возможно, Иоко снова затеял печь пироги, раз подкладывал в печку дрова, и это хорошо. Я бы не отказалась от приличного куска его рыбной пиццы.

Я села, обнаружив, что укрыта черным плащом, который изнутри оказался подбит байковой клетчатой материей в темно-синюю клетку с тонкими серыми полосками. Взявшись за шнурки кедров, я посмотрела на Иоко.

Он сидел ко мне спиной, и я могла хорошо рассмотреть длинный безобразный шрам у него на спине, как будто кто-то располосовал его от правого плеча до самой поясницы. Шрам – белый рваный широкий рубец – давно зажил, но все равно выглядел ужасно. Можно было себе представить, как на самом деле выглядела эта рана!

– Кто тебя ранил? Лусы? – спросила я.

Не оборачиваясь, Иоко дернул плечом и низким хриплым голосом ответил, что не знает и не помнит.

– Этот шрам был у меня всегда. Не помню, откуда он.

– Как можно забыть о такой ужасной ране? Тебя фактически чуть не убили. С такими ранами люди, вообще-то, умирают.

– Я не умер. Значит, это не так страшно, как кажется.

– Но, выходит, тебя можно ранить и ты не бессмертный волшебник, – уточнила я.

– Конечно. Я не бессмертный, но время тут замерло и поэтому сам по себе никто не старится и не умирает.

– Остается в таком виде, в каком сюда попал? – снова спросила я.

– Да какая тебе разница? Почему ты все время что-то спрашиваешь? Первый раз мне достался такой человек, у которого рот не закрывается, – в его голосе снова зазвучали ворчливые нотки.

– Значит, ты первый раз ведешь девочку?

– Вообще-то да. – Иоко наконец повернулся ко мне и в растерянности почесал макушку. – Раньше мне доводилось водить двух мужчин, и с ними было интересно. Они храбро сражались. Правда, один таки погиб в море, в сражении с пиратами. А второго я довел до Древа. И еще двух женщин я водил, они дошли обе, потому что не лезли на рожон.

– Значит, всего к Хозяину ты отвел троих, да?

– Получается, что так. Двух женщин и одного мужчину. Не могу вспомнить, как их зовут. И какое-то количество людей просто погибло. Несколько полегло от хасов прямо на синей дороге у башни. Попытались бежать от меня через траву. Поэтому я теперь всегда предупреждаю, чтобы не сходили с дороги.

– Не густо. И ты вечно все забываешь, как будто у тебя дырявая голова.

– Ну и что? – Иоко пожал плечами и полез за миской и мукой.

Я обрадовалась пирогу и принялась наблюдать за волшебством колдуна. Тесто послушно замешивалось в миске – смешно мялось горбами, смешно досыпалась туда мука из бочонка, тоже сама по себе. Иоко лишь вертел в руках серебрившийся Посох и весело улыбался, будто его самого страшно забавляло волшебство.

– Люблю готовить, – пояснил он, – это интересно.

– А что еще ты можешь делать своим посохом? Можешь что-нибудь пожелать – и чтобы это появилось? Например, чтобы появился меч или кинжал. Или плащ. Загадать вещь и получить ее с помощью посоха можешь? – поинтересовалась я, не отрывая глаз от миски, в которой тесто уже становилось гладким и маслянистым.

– Ну, нет. Такого не могу. Я же не Шкаф Желаний. Желания выполняют те во?роны, что заключены в нем. Они такое могут. Я немного другой чародей. Я же сказал, что мне подчиняется Энергия Жизни. Я могу сражаться, могу убивать. Могу вот тесто замесить. Могу заставить вспыхнуть огонь или погасить его.

– Тогда почему сам разводил огонь в печке? – не унималась я.

– Кое-что мне нравится делать руками, а не с помощью Посоха. Огонь разводить интересно. Я люблю смотреть, как он разгорается, как маленькие язычки бегут по веткам, как вспыхивают дрова и как летят искры.

Иоко снова походил на мальчика. Он будто стал тоньше, даже пальцы на руках напоминали мальчишеские – в цыпках, с грязными каемками под ногтями. В такие минуты он вовсе не пугал, а будто становился моим ровесником, который не прочь позабавиться и совсем не задумывается над серьезными и важными вещами.

Я перестала его расспрашивать, уселась на топчан, достала альбом и краски и принялась рисовать. Я чувствовала, что должна запечатлеть башню Иоко, хотя она уже была на моих рисунках, висящих над столом в моей комнате. Ибо то, что снилось мне когда-то, на самом деле было именно башней Иоко.

Это озадачивало меня, я пыталась найти ответ и не могла. Тогда не могла. Я лишь вновь и вновь прокручивала в голове увиденные накануне сны – мои первые сны в мире Безвременья – и все больше убеждалась, что просто обязана их нарисовать.

Поэтому я тут же взялась за работу.

Сначала сделала набросок карандашом, после нанесла светлые и осторожные акварельные мазки. Я покрыла большую часть рисунка слабой голубовато-серой краской, как можно сильнее разведя ее водой. Здешняя вода делала краски

более яркими, насыщенными и... более живыми, что ли.

Не могу подобрать нужных слов, чтобы охарактеризовать цвета, но поверьте мне – рисунок просто оживал под моей кистью. И когда я закончила, передо мной лежали руины заброшенного города. Синие камни, синие травы, черные силуэты воронов надо всем этим. И огромная голубая луна, заливающая все серебристым призрачным светом.

Иоко, заинтересовавшись, присел рядом, но не мешал и не спрашивал, пока я не закончила рисовать. Тогда он, осторожно дотронувшись до края рисунка с таким видом, словно это было невесть какое волшебство, уточнил:

– Это город Ноом. Где ты его видела?

– Во сне.

– Странно. Это все очень странно. Как ты могла видеть во сне город Ноом, если ни разу не была там, Со?

Он смотрел на меня с интересом и даже некоторым восхищением. Я поняла, что сильно озадачила его, но ничего разъяснить не могла. Я и сама не понимала, почему мне снятся такие сны. Откуда они приходят ко мне?

Я тогда ничего не знала, а Иоко ничего не помнил. Поэтому его вопросы остались без ответа.

– Рисуй еще. Это как волшебство, Со, – сказал мой провожатый, – ты тоже обладаешь волшебством.

– Это не волшебство. Это просто рисунки.

– Не говори так. Ты создаешь, а значит, творишь волшебство. Я не умею делать такие вещи.

– Даже с помощью посоха?

– Даже с помощью Посоха. Я же тебе говорил, что дело не в нем, а во мне. Это я владею магией, но рисовать то, чего не видел, да еще так верно, точно и красиво, не могу. Посмотри, ты изобразила первую круглую башню города Ноома, за которой начинается улица Призраков, да так точно, что видны даже камни, вывороченные из оконных проемов. Эти камни так и торчат, их выворотило магическим взрывом во время войны, когда Хозяин захватывал здешний мир. Очень давно, еще в те времена, когда было Время. Смешно звучит, правда? Времена, когда тут было Время!

Иоко улыбнулся, но тут же перестал говорить о моих рисунках и занялся разделкой и поеданием пирога. Мне тоже хотелось есть, но я решила запечатлеть и второй сон, пока помнила.

Быстрыми штрихами я изобразила круглый каменный стол, мрачные стены вокруг него, стрельчатые окна и круглую луну. После взялась за краски. Пришлось повозиться, чтобы сохранить незабываемую атмосферу башни, когда все предметы словно сияют призрачным голубоватым светом, а луна заливает местность грустным серебром.

Надпись я прорисовала особенно тщательно – выпуклые буквы так ясно читались на кромке стола, что я еще раз произнесла про себя: «В башне Иоко есть выбор».

Рисунок получился настолько достоверным, что Иоко, взглянув на него, заверил меня, что я самая настоящая волшебница и мне нечего приbedняться.

– Только я не умею убивать лусов, – хмуро заметила я, пристраивая рисунки на топчане, чтобы они высохли.

– Тебе и не надо. Для этого есть я, – весело ответил Иоко и протянул мне деревянную тарелку с кусками дымящегося пирога.

Пока мы ели, подул резкий прохладный ветер, отчего вода в озере пошла быстрой рябью, а травы распрямили свои завитки и тихо зашелестели. Солнце внезапно и быстро скатилось вниз. Я бы сказала, что оно село за считанные минуты, будь в Безвременье эти самые минуты.

– Нам пора двигаться, – бодро сказал Иоко, – я вымою посуду, а ты собери вещи. Этой ночью нам надо добраться до второго Убежища, а перед этим миновать

первый Перекресток.

– Что это за первый Перекресток? – поинтересовалась я.

– Увидишь, – последовал короткий ответ.

#Глава 6

1

Ночь наступила быстро. Еще совсем недавно светило солнце, делая синие травы более светлыми и добрыми, но вот уже плывут по небосводу две луны и вслед за ними тянутся серые тучи.

Мы двинулись в путь сразу. Иоко едва успел натянуть рубашку, а я совсем уж было решила спросить у него, что за странный ключ он носит на шее. Но тут вокруг сгустилась ночная синь, и мой Проводник велел замолчать и следовать за ним.

На его кулон в виде ключа я давно обратила внимание, но все не удавалось задать вопрос. Поэтому когда медное замысловатое украшение скрылось под его рубашкой, я решила, что непременно спрошу об этом.

Мы вышли пещерным переходом к дороге из синего камня и зашагали по ней бодро и быстро. И мне опять стало скучно. Ничего интересного, увлекательного и замечательного не было в этом путешествии. Только огромная равнина с синими травами и дорога. И все те же луны.

Еще по-прежнему стрекотали хасы, хотя их самих я не могла различить в густой траве. Я снова принялась расспрашивать Иоко.

– Скажи, чем ты питаешься тут? Ну, кроме рыбного пирога? В следующем убежище какая у нас будет еда?

– У меня там садик. Небольшой, правда, но растут съедобные клубни, которые можно запечь на костре. И хрустящие листья, из которых можно сделать салат. Наловим хасов, запечем на костре вместе с клубнями, сделаем салат – и нам с тобой хватит до следующей ночи.

– Есть хасов? – изумилась я. – Это же гадость!

– Почему гадость? У них вкусное розовое мясо под хитиновым панцирем. Когда их запекаешь в углях, они становятся красными. Такие красивые красные хасы. Это хорошая еда, – заверил меня Иоко.

Сам он, как обычно, шагал впереди и не оборачивался, когда разговаривал со мной.

– Как же ты будешь ловить их? – спросила я. – Вдруг они укусят? Или тебе не страшны их укусы?

– У меня есть Посох. Я поймаю сколько угодно хасов с его помощью, – он осмотрелся, скептически улыбнулся и помахал своей палкой.

– Я хасов есть не буду! Зато у меня есть чипсы. Вот это еда на самом деле.

Я достала пакетик – между прочим, со вкусом сметаны – и разорвала упаковку. Иоко лишь пожал плечами. Ну и ладно. Мне больше достанется.

Чипсы заметно скрасили дорогу. Они напомнили о моем мире, и мне вдруг стало немного грустно. Надоели уже синие травы и бесконечная дорога, и захотелось оказаться дома. Чтобы был интернет, мои любимые сериалы, возможность встретиться с Игорем, в конце концов.

Точно, Игорь! Я даже думать забыла о нем – настолько его образ померк в сравнении с Иоко.

– Послушай, почему ты тогда сказал, что я задаю не те вопросы? Ну, когда я вызвала тебя с помощью карты?

– А ты сама не догадываешься? – Иoko снова не обернулся, произнес фразу куда-то вперед, но я его хорошо услышала, потому что ветра не было и слова повисали в воздухе.

– Нет.

– Самый первый вопрос у тебя был бестолковым, давай признаем это. Ты спросила: «И это все?».

– Я думала, что никакой колдун не придет.

– Ладно, пусть ты не поверила, хотя мне кажется странным делать то, во что не веришь. Но и второй твой вопрос оказался таким же глупым. Разве сама не понимаешь, что Игорь тебя не любит? Разве ты похожа на человека, которого можно полюбить?

– Из-за того, что у меня родимое пятно на лице, – хмуро уточнила я.

Странно, но Иoko был первым человеком, с которым я смогла открыто говорить о своем недостатке. Не отворачиваясь, не заикаясь, не краснея и не глупея.

– Это потому, что ты сама себя не любишь. Как ты обычно о себе думаешь? Кем себя считаешь?

– Уродиной. Это так и есть.

– Вот. А если не любишь себя сама, почему Игорь должен тебя любить? За что? Даже Золушку принц полюбил тогда, когда она была в бальном платье, хрустальных туфельках и сама себе нравилась. А ты далеко не Золушка.

– Ну, правильно. Золушка-то была красивой.

– Золушка была маленькой дурочкой, которая даром батрачила на мачеху. Ладно, оставим сказки. Тебе надо лучше относиться к самой себе.

– От этого мое пятно не пропадет.

– Но ты все равно интересная девчонка, Со. Разве не понимаешь? Умная, красиво рисуешь, хорошо одеваешься. Много читаешь. Пятно – это просто ширма, за которую ты прячешься от мира. Может, поэтому и угодила ко мне. И даже не может, а наверняка. Ты желала убежать от действительности, так ведь? Вот и убежала, причем окончательно.

– Какой ты умный, – съязвила я. – Ладно, может, мне не нравится моя внешность, но я действительно не самая классная девочка в классе.

– А вот скажи, что бы изменилось, если бы пропало пятно? Думаешь, все мальчишки сразу бы в тебя влюбились? И все девочки сразу стали бы дружить с тобой?

– Не знаю. Не думала об этом.

– Для того чтобы это произошло, надо быть душой компании. Своей в доску. Хочешь быть такой, как они? Действительно увлекаешься тем, чем увлекаются они? Или тебя манит неизведанное?

– Ты меня запутал.

– Почему? Это же ты стала задавать вопросы. Я всего лишь отвечал.

– Почему ты сказал, что мне надо было спросить – нужен ли мне Игорь?

– Потому что он не нужен тебе. У тебя с ним настолько мало общего, что ваши отношения не продлились бы и двух недель. И если бы ты любила и ценила себя, ты даже парой слов с ним не перекинулась бы. Потому что на самом деле с ним не о чем говорить.

– Неправда. Мы говорили о книгах и сериалах.

– И? Еще о чем?

– Ну, не знаю... – замялась я.

– А я знаю. Ни о чем стоящем. Ты не могла быть рядом с ним самой собой, не могла расслабиться. Постоянно в напряжении, постоянно в мыслях о том, чтобы спрятать правую сторону своего лица. Это не дружба, Со, это какая-то глупость. Так что уволь меня от разговоров о твоём Игоре, он скучный, как хасы, что трещат в этих травах. Правильно говорят в вашем мире: любовь зла, полюбишь и козла.

– Откуда ты знаешь эту поговорку?

– Рассказал один парень. Я немало повидал ваших. Дай попробовать, что ты ешь. Уж больно вкусно пахнет. Что это?

– Чипсы. Ну, из картошки их делают. Попробуй.

Я протянула ему чипсину, он захрустел, остановившись на мгновение, а после уважительно сказал, что это хорошая еда, но чтобы наесться, надо съесть очень и очень много.

– Чипсы – не основная еда. Это так, похрустеть по дороге, – пояснила я.

– Тогда это хорошо. Давай похрустим, – и он бесцеремонно запустил руку в мой пакет.

Пришлось с ним делиться. Не успели мы прикончить пачку, как вдалеке показалась развилка. Нашу синюю дорогу пересекала еще одна, тоже каменная, и на самом перекрестке стоял высокий столб из камня с выбитыми на нем буквами. Написано было одно слово: «Перекресток».

– Отлично, мы добрались до первого Перекрестка, – весело сказал Иоко, – отсюда уже виден разрушенный город Ноом. Нам только этот город пройти бы и еще чуть-чуть по холмам – и будет наше Убежище.

2

– А куда ведут эти дороги? – поинтересовалась я.

– Да кто же их знает? – тут же ответил Иоко. – Я там не бывал.

– Ты же говорил, что когда никого не ведешь к Хозяину, то просто бродишь по здешним местам и что-то ищешь?

– Но на этих дорогах я точно не бывал. Перекрестки пользуются дурной славой. Говорят, что там легко заблудиться.

– Кто говорит?

– Другие Проводники. Они опытнее меня и больше знают.

– А часто ты с ними встречаешься?

– Доводится иногда, на постоялом дворе Агамы. Иногда встречаемся там, но не часто. Не всегда дороги совпадают.

– Могу спорить, что на Перекрестках ты уж точно не блуждал. Побоялся пройтись по другим дорогам и узнать, что там.

– Думаешь, боюсь?

– А почему иначе не открывал все двери в своей башне? Это же твоя башня, она называется твоим именем! Тебе страшно узнавать что-то новое!

– Ничего подобного. Просто мне это не нужно. Вот и все. Я не думал об этом.

Мы миновали Перекресток, который не показался мне страшным, загадочным и вообще чем-нибудь примечательным. Я тогда подумала, что зря Иоко придавал ему такое большое значение. Наверняка дороги заброшены и заросли травой, если по ним никто не ходит. А в том, что никого тут нет, я уже не сомневалась.

Сколько бы мы ни шагали, сколько ни миновали равнин и холмов, нигде не встречалось ни одной деревни. Даже их развалин. Ни домов, ни колодцев – ни одного признака человеческой цивилизации. Поэтому даже синяя дорога казалась странной и неуместной и я уже не раз задавалась вопросом – кто ее тут проложил?

Спросила у Иоко, но он сказал, что не знает или не помнит.

Наконец мы поднялись на очередной холм, на котором острым зубцом торчала одинокая скала, и я увидела по правую сторону от себя развалины. Точно такие же, какие мне столько раз снились.

Башни с провалившимися крышами, дома, от которых уцелела только пара этажей, опрокинутые заборы и остатки крепостной стены, когда-то охватывавшей город кольцом.

– Нам надо просто пройти мимо этого города. Там водятся призраки, и они опасны, но если не будем обращать на них внимания, нам удастся уцелеть. Помнишь правило – никогда не сходить с дороги? – Иоко строго посмотрел на меня и слегка поднял посох.

Я кивнула. Конечно, помню. Что может быть проще?

Мы снова зашагали по синим камням, город приблизился, воздух вокруг стал теплее, а хасы почему-то совсем умолкли. И вдруг я услышала детский смех. Заразительный веселый смех, который звучал совсем рядом в траве.

– Это призраки, – тут же пояснил Иоко, – они любят дурить здешних прохожих. У них мало развлечений, и если они видят меня, то стараются не упустить возможности повеселиться.

Словно в подтверждение его слов снова прозвучал веселый смех, к которому добавилась быстрая детская речь.

– Иоко ведет новенькую! Иоко ведет новенькую! – весело пропели совсем рядом.

– Они тебя знают, – заметила я.

– Еще бы. Только не обращай на них внимания. Они не то, чем кажутся, помни это.

Внезапно трава раздвинулась и совсем рядом с дорогой показалось веселое детское лицо. Девочка лет семи улыбнулась мне, показывая отсутствие верхних зубов, потрянула льняными кудрями и сказала:

– Иоко заведет тебя к Злому Духу, а тот сделает тебя призраком. И будешь жить с нами. Приходи жить с нами! – И девочка заулыбалась.

– Сгинь, тварь. – Иоко стукнул ее по головке посохом, и девочка сморщилась и заплакала.

Она была такой реальной, такой настоящей, казалась такой теплой и милой, что я возмутилась.

– Зачем бьешь ребенка? Мало ли что она говорит?

Девочка рыдала так безутешно, обхватив ручонками голову, что я остановилась и сунула ей конфету.

– Попробуй, это вкусно. Тебе понравится. Ты одна тут?

Девочка уставилась на конфету так, словно видела ее впервые в жизни, и вышла на дорогу. На ней было длинное рваное платье, босые ноги покрывала пыль, а за ушком кокетливо пристроился миленький розовый цветочек.

– Я с братом. Он боится выходить. Он Иоко боится, потому что Иоко злой. – Девочка нахмурилась, взяла у меня конфету и сунула ее в рот прямо в обертке.

– Надо развернуть! – сказала я и улыбнулась.

– А ну, пошла отсюда, тварь! – рявкнул Иоко, но не успел стукнуть девочку посохом, потому что я схватилась за его палку и с силой дернула в сторону.

– Что ты привязался к ней? Ну и пусть она призрак, что она, обидит нас, что ли?

– Ты их не знаешь, они твари, Со! – зло проговорил Иоко.

Девочка между тем справилась с бумажкой, сунула конфету в рот и блаженно заулыбалась.

– Вот и все. И пусть себе идет. И мы пойдем дальше. Не обязательно бить ребенка палкой, – решительно распорядилась я и отправилась дальше.

Девочка осталась позади. Она была маленькой и безобидной. И к тому же такой милой и славной, что я никак не ожидала подвоха с ее стороны.

Мы продолжали путь, и травы снова тихо шелестели, а над головой ярко светили обе луны. Дорога сделала изгиб, приближаясь к развалинам, синие стены, освещенные лунным светом, отбросили длинные тени, перекрывшие нам путь.

И в этот момент раздался детский крик. Совсем рядом, буквально на расстоянии вытянутой руки. Я узнала голос своей новой знакомой.

– Ай, ай, отпусти меня! – кричала девочка. – Помогите мне! Помогите!

В ее голосе слышалось столько горя, он звучал так жалобно, что я не выдержала.

Разумеется, я помнила о предупреждении Иоко и вовсе не испытывала никакого доверия к миру Безвременья. Другими словами, я не была храброй, поэтому попытаюсь объяснить, почему свернула с дороги, несмотря на зловещее предупреждение моего Проводника.

Иоко тогда уже казался мне своим парнем, и я перестала его бояться. Он ел мои чипсы и слишком мало знал о мире, в котором мы находились. Я подумала, что Иоко просто перестраховщик, не желающий лишних проблем, что боится исследовать мир и делать открытия. Поэтому его предупреждение на самом деле может быть лишь отражением его комплексов.

Ну, а я не Иоко, чтобы бояться неизведанного, потому что неизведанное уже случилось со мной. Поэтому я просто обязана узнать, почему мне столько раз снился город Ноом и что я на самом деле там искала.

Вот почему, едва услышав вопли о помощи, я без колебаний свернула в траву и быстрым шагом пошла на звук.

– Ты куда? – рявкнул за спиной Иоко, но за мной не пошел, так и остался на каменной дороге.

– Сейчас приду, – бросила я через плечо и прибавила шагу.

Я пробиралась через траву, перепрыгивала через спутанные стебли, радуясь в душе, что в этом месте не слышно хасов и можно их не опасаться. А девочка впереди все кричала, и я наконец различила ее светлую макушку среди синих стеблей.

– Иду! – крикнула я. – Что случилось?

Девочка подняла голову, взглянула на меня сердитыми и влажными синими глазками и припустила бежать куда-то вперед с криками: «Ай, ай, помогите!». Я заторопилась за ней, а она еще раз оглянулась и предупредила:

– Берегись! Беги, не смотри назад!

Я осмотрелась, но заметила лишь черного ворона, что летел слишком низко над завитками трав. Птица нагоняла меня, становилась крупнее, и мне первый раз стало страшно. Что надо этой твари?

Я прибавила шагу, но убежать от ворона не удалось. Птица сделала круг над моей головой, опустилась мне на плечо и сказала на чистейшем русском языке:

– Успокойся. Держись прямо и постарайся найти круглую каменную площадь. Это то, что тебе надо. Найди каменную площадь!

Голос у во?рона был хриплый, каркающий и низкий – самый настоящий воро?ний голос. От неожиданности я чуть не села в траву. Мамочки, я в жизни не встречала говорящих во?ронов!

А птица между тем поднялась в воздух, захлопала крыльями и скрылась где-то над развалинами города.

Вот тебе и на! Что же мне делать? Слушать во?рона или слушать Иоко? Или выручать девочку?

А девочка снова закричала мне, чтобы я береглась и не оглядывалась. За спиной что-то зашипело, по верхушкам трав словно прокатилась волна, и я поняла, что сзади меня что-то есть.

Это что-то дышало мне в затылок, и от его дыхания травы клонились чуть ли не до земли. Меня окатило горячим смрадом, в голову пришли мысли о лусах, и я резко обернулась.

Прямо на меня надвигалась змея. Или дракон – было не ясно, к каким тварям принадлежит существо.

Знаете, как китайцы изображают драконов? Такие длинные и толстые, как змеи, с маленькими лапками и маленькими крыльями. Так вот, на меня ползло точно такое же существо, только маленьких лап у него было штук двадцать, словно у гигантской сороконожки. Драконья пасть дымилась, острые белые зубы сверкали, и можно было не сомневаться – он проглотит меня в один миг.

Я припустила бежать, другого выбора у меня не было.

Я мчалась изо всех сил, надеясь найти укрытие где-нибудь в развалинах, и передо мной маячила светлая голова девочки, которая все время кричала, что надо беречься.

До развалин оставалось немного, у меня был шанс добежать и спрятаться, поэтому я неслась как безумная. Быстрее, быстрее!

Дракон нагонял, он буквально дышал мне в спину. А Иоко – моего Проводника – нигде не было! Видимо, он не собирался вмешиваться и защищать меня, махнул рукой и решил, что еще одной его подопечной суждено сгинуть в развалинах города. Может, он вообще направился обратно в свою башню, уже посчитав меня мертвой?

Я нырнула под узкую арку в одной из стен, вбежала по разбитым ступенькам на второй этаж здания без крыши, где гулял беспокойный ветер, и спрыгнула вниз

по другую его сторону, благо растущая там трава оказалась очень густой и смягчила мой отчаянный прыжок.

Тут я кинулась к другой стене в надежде затеряться среди темных камней, нырнуть в какую-нибудь укромную норку, как это делают мышки, чтобы дракон не мог дотянуться до меня.

Ориентиром служила девочка, бежавшая впереди, и я лишь повторяла ее путь. Вот она присела и пролезла в какой-то узенький лаз. Я направилась туда же, с трудом протиснулась в этот лаз и оказалась на заросшей растительностью и колючками широкой улице, где еще сохранились высокие дома со стрельчатыми окнами, правда, без стекол.

Вот теперь мой сон сбился с невероятной точностью. Я знала, что во сне уже бродила в этих местах и пыталась найти круглую площадь. Я вспомнила, что искала в своих снах!

Это оказалась та самая круглая площадь, о которой говорил во?рон!

Между тем погоня за спиной утихла... Или мне показалось?

Ничего не шипело и не шуршало, не волновались травы, не сыпались камешки. Я остановилась, переводя дыхание, и заметила мальчика. Он стоял в начале улицы, широко расставив ноги, смотрел на меня в упор и качал головой.

– Беги, – коротко сказал он и улыбнулся.

Темноволосый, сероглазый и вполне симпатичный, пока не улыбнулся. У него оказались вдруг острые и опасные зубы, как у какого-то мерзкого зверя. Я поморщилась, а мальчишка весело засмеялся.

К нему направилась светлоголовая девочка, она подпрыгивала и взмахивала ручками, как будто ее все забавляло в этом заброшенном городе.

Мальчик опять улыбнулся, а за его спиной показался дракон. Зверюга выползал медленно и тяжело, его туловище висело над землей, а маленькие лапки проворно и бесшумно переступали по земле.

Продолжая кривляться, мальчик не замечал опасности. Видимо, он мог делать со своей внешностью все что угодно, потому что, спрятав клыки, вдруг наклонил голову, и на его лбу появились рожки. Они тянулись вверх, вырастая на глазах и делая мальчугана похожим на чертика. Видимо, он хотел напугать меня таким образом, а между тем самый настоящий страх стоял за его спиной и скалил огромную зубастую пасть.

Пока паренек кривлялся, дракон подбирался к нему все ближе. Тварь выбрала для себя именно мальчика. Она желала подкрепиться маленьким кривлякой, изображающим чертика.

– Беги! – закричала я, направляясь к нему.

Мальчик оглянулся, побледнел. Его рожки и острые зубы вмиг пропали, он стал самым обычным ребенком, которому не больше десяти лет. Он дернулся, пытаясь скрыться за одной из стен, но мы с ним оба слишком хорошо понимали, что он не успеет. Поэтому я подняла увесистый синий булыжник и с силой запустила в морду дракона.

Удар оказался точным, дракон взревел и замотал головой. Время было выиграно, и мальчишка успел вскарабкаться на стену с проворностью мелкого паучка и спрыгнуть по другую ее сторону. Я осталась один на один с огромным драконом, и мне тоже оставалось только одно – развернуться и бежать что есть мочи.

И я понеслась.

Улицы в том месте были прямыми, поворачивали под прямым углом, поэтому бежать было удобно, но скрываться – нет. Спрятаться я нигде не могла, не могла отыскать и подходящую нору или ступеньки. Может, потому, что моя провожатая, девочка, вдруг пропала и мне пришлось самой находить дорогу.

Где тут эта круглая каменная площадь? Может, там я смогу спрятаться? Может, во?рон дал мне дельный совет?

Улица становилась все шире, и я решила бежать только по ней. Если площадь – главное место в городе, то к ней должны вести широкие и главные улицы.

Так и оказалось. Или мне просто повезло? Кто знает...

Я выскочила на овальные камни, которыми был выложен идеальный круг, увидела остатки зданий, что располагались по окружности, и устало выдохнула. Скорее всего, это и есть пресловутая каменная площадь. Во всяком случае больше нигде в городе не осталось ничего, вымощенного камнем. Ни одной дороги, ни одного пяточка.

Я остановилась посреди площади. Дракон уже успел сунуть пасть в проход и буквально дышал мне вслед. Дома – вернее, их развалины – окружали каменный круг плотным кольцом, словно зрители, что склонились над ареной.

Я лихорадочно искала какую-нибудь щель, проем или проход, но ничего не находила. Город, словно сговорившись с драконом, запер меня в кольце площади и не выпускал.

– Держись за моей спиной! – прозвучал над плечом хорошо знакомый голос.

И лихорадочная дрожь отпустила меня.

Рядом оказался Иоко. Высокий, широкоплечий, с посохом, на концах которого сверкали острые лезвия, он заслонил меня собой, направляя оружие на дракона. И у меня появилась надежда.

Я немного отступила, а дракон, словно поняв, что получил достойного противника, взвыл и прыткой змеей ринулся на Иоко. Его пасть за пару секунд оказалась настолько близко, что меня снова обдало его зловонным дыханием.

Иоко, слегка развернувшись, проскочил под голову дракона, резанул посохом и вывернулся, успев выскользнуть с другой стороны.

Я попятилась к стене, стараясь не мешать.

Раненый дракон взревел, точно сотня автомобилей, клацнул зубами, оросил камни черной кровью, которая испарялась и исчезала на глазах, будто ее и не было.

Иоко снова ударил дракона посохом, нанеся широкую рану у основания головы, и проворно отпрыгнул, но зверь успел задеть его одной из своих многочисленных лап. Удар пришелся по ноге чуть ниже колена.

Иоко вздрогнул, качнулся, отступил, снова прыгнул, и когда драконище, разинув пасть, напал в очередной раз, посох Иоко воткнулся ему прямо в небо и прошёл насквозь, вылетев из макушки.

Дракон вздрогнул, качнулся, заискрился и пропал, буквально растворился в воздухе.

Иоко, устало опустив посох, оглянулся. Он стоял на самой середине площади, и его темная тень походила на стрелку часов. Стрелка-тень показывала ровно двенадцать ночи, так мне показалось.

– Сейчас каменная площадь покажет надпись, – раздался восторженный шепот за моей спиной.

Я оглянулась и увидела моих знакомых, девочку и мальчика. Они смотрели на Иоко с восхищением и радостью, словно в предвкушении чего-то особенного.

И особенное произошло – каменная площадь начала вращаться.

#Глава 7

1

Каменная площадь и в самом деле очень походила на циферблат часов. Лишь после того, как был убит дракон, я смогла рассмотреть ее как следует. Некоторые камни в ее окружности располагались поперек общего рисунка, создавая этикетки, точно черточки на часах.

Двенадцать отметин, одинаково удаленных друг от друга. И когда Иоко оказался в середине круга, а его тень легла ровно на отметку двенадцать,

каменный круг двинулся с места и начал вращаться медленно, тяжело и поскрипывая. И мы поплыли мимо развалин, и луны над нашей головой тоже завращались.

– Ой, – тихо проговорила девочка.

– Ничего себе, – вымолвил мальчик, который на этот раз выглядел совершенно нормально, безо всяких рожек и острых зубов.

Иоко промолчал, но весь напрягся, подняв посох, и его напряжение тут же передалось мне. Я поняла, что он ожидает какого-то нового подвоха. А каменный круг площади, сделав несколько оборотов, остановился. Я заметила, что двигались только внутренние камни круга, а наружные, те, на которых выделялись камни-знаки, оставались неподвижными.

И когда движение прекратилось, перед моими глазами предстала надпись. Она сложилась из каменных узоров, проступила под лунным светом, и я без труда прочла ее.

«Время замкнуто там».

– Ого! – опять удивилась девочка.

– Пошли отсюда, нечего таращиться на всякие глупости, – сердито заговорил Иоко, – скоро луна сядет, уже садится. Из-за тебя, Со, мы не добрались до второго Убежища и теперь целый день придется убегать от лусов, а я ранен и быстро бежать не в силах, так что вряд ли смогу тебе помочь.

– А мы можем! – тут же заговорила девочка. – Можем спрятать вас тут, в городе!

– Да кто же поверит призракам? – удивился Иоко.

Девочка мгновенно пропала. Исчезла так, будто ее просто выключили. Словно она была картинкой на мониторе смартфона.

– Это еще что такое? – не поняла я.

– Он обидел ее, – пояснил мальчик. – Теперь она не захочет с ним разговаривать и не покажет вам, где можно переждать день. И я не покажу, потому что вы обидели мою подругу.

Мальчик оскалился, показал острые зубы и собрался было совсем пропасть, но я протянула руку, чтобы дотронуться до него.

Напрасно! Моя рука ничего не ощутила, и я чуть не потеряла равновесие. Мальчишка оказался прозрачным, несуществующим, как голограмма в фантастических фильмах.

– Фу, что за ерунда? – возмутилась я, удержившись на ногах.

– Они же призраки, я говорил тебе. Их как бы и нет, – недовольно протянул Иоко.

– Ничего себе...

А мальчишка залился веселым смехом. Моя неуклюжая попытка схватить его за руку, похоже, показалась ему очень забавной.

Девочка материализовалась недалеко от меня и тоже захихикала. Потом подошла к мальчику и что-то шепнула ему на ухо.

– Что там у вас за секреты? – рассердился Иоко.

– Мы все равно покажем вам, где можно переждать день. Пошли с нами. – Мальчик кивнул с серьезным видом.

Его острые зубы снова стали нормальными, он мотнул вихрастой темной головой и показал рукой куда-то в сторону развалин.

– И почему ты передумал? – недоверчиво спросил Иоко, все еще не опуская посоха.

– Потому что Эви сказала, что ты и твоя подружка запустили часовой круг. Понимаете?

– Не понимаем, – ответил Иоко.

– Это потому, что ты дурак, у тебя мозги промыты и ты ничего не помнишь, – серьезно и безжалостно произнесла девочка, сурово уставившись на Иоко невинными голубыми глазками. – А твоя подружка умнее тебя, и нам ее жаль. Потому что она нас пожалела.

Девочка повернулась ко мне.

– Пошли с нами, не бойся, мы не обидим тебя. И у тебя есть сладкие конфеты, я сказала об этом Ханту, ему тоже хочется. Дашь нам конфет – укроем вас.

– Конечно. Конфет у меня хватит. На сегодня уж точно, – заверила я.

– Рехнуться можно, – пробормотал Иоко, – будем ночевать с призраками...

– Да ты сам почти призрак, только не видишь себя со стороны. Все мы тут порождения Хозяина, настоящая только она. – Девочка махнула рукой в мою сторону, и лицо ее оставалось таким серьезным, будто ей не семь лет, а все пятнадцать, как минимум.

– Идем, скоро луна сядет, – сказал мальчик.

– Идем, скоро обе луны сядут, – произнесла девочка.

И мы с Иоко зашагали за нашими новыми странными друзьями, хотя тогда еще не называли их так.

2

Иоко сильно хромал и шагал медленно, опираясь на посох. Он не жаловался, но кровавый след, что тянулся по синей траве, сильно пугал меня. Я боялась не крови, я боялась за Иоко.

Наши новые друзья Эви и Хант торопили нас, возмущались медлительностью моего Проводника, и Хант то и дело приговаривал, что в жизни еще не встречал

таких копуш. Обе луны опускались за горизонт, причем маленькая наполовину зашла за большую и выглядывала оттуда только одним своим краем.

Дети, судя по всему, знали город как свои пять пальцев. Они ныряли в такие закоулки, поворачивали в такие проходы, о которых мы с Иоко и не догадались бы ни за что. Я никогда не подумала бы, что за полуразвалившейся лестницей, у которой не уцелело и половины каменных перил, есть проход – крошечная дверка, ведущая в длинный узкий коридор, засыпанный каменной крошкой.

Мы зашагали по нему, и слабый свет луны просачивался откуда-то сверху через щели в потолке, перечеркивая темноту узкими голубыми лучиками.

Сразу за коридором оказалась прямоугольная площадка, тоже заросшая травой, в центре которой находился сложенный из камней круг. Трава доставала до самого верха этого круга, и даже на ступеньках, ведущих к нему, вились синие стебли.

– Это колодец, – бойко пояснил Хант, – когда-то давно был колодец, когда город еще был живой. Там и сейчас есть вода, она хорошая. Можно будет почерпнуть, у нас есть ведро.

– Призраки едят и пьют? – удивилась я.

– Мы можем вообще не есть. А можем и есть, но все, что съедим и выпьем, тут же станет призрачным, – заулыбался мальчишка.

Он был темноволосым, лохматым, веснушчатым, и глаза у него оказались зеленые. Уши слегка оттопыривались, кожа на носу облупилась, как будто он недавно сильно обгорел на солнце, ноги босые. Тонкая, рваная на локтях рубашка, короткие, совсем обтрепанные штаны – вот и весь его наряд. Я еще ни разу не встречала мальчишек в таком виде.

При всем этом Хант вызывал симпатию. То ли благодаря его веснушкам, то ли потому, что улыбка у него получалась широкая и веселая – я не могла понять, – но глядя, как он вертит ушастой головой и прыгает по ступенькам, я невольно улыбалась.

– Здесь и пересидим день, – пояснил Хант. – Тут есть вода и небольшая комнатка, где можно поспать.

– Думаешь, лусы сюда не сунутся? – презрительно скривившись, уточнил Иоко.

– Так лусы боятся нас, мы же призраки. Уж сюда они точно не сунутся.

– А дракон? – спросила я.

– Дракон – это призрак. Здешний призрак. Твой Проводник его не убил, просто лишил силы. Поэтому ему понадобится какое-то время, чтобы прийти в себя. Нас он точно не съел бы, так что ты зря переживала. А вот тебя – вполне! Он любит людей. И ты уже знаешь, что все, что съедают призраки, тут же становится призрачным, – пояснил Хант, махнул рукой и весело подпрыгнул, как будто ему не стоялось на месте.

– Вот именно, злыдни, – проворчал Иоко, устраиваясь на камнях колодца и вытягивая раненую ногу. – Ладно, пересидим тут, с вами, раз вы нынче такие добрые.

– Это потому, что вот она, – Эви ткнула в меня пальчиком, – позаботилась о нас. Пожалела Ханта. И у нее есть конфеты, а мы их любим. Да, мы очень любим конфеты.

– Вы же только этой ночью попробовали их первый раз за свою поганую призрачную жизнь. И что, уже полюбили? – зло спросил Иоко.

– Да, представь себе. – Девочка закивала головой.

– Никто не заботится о призраках, – сказал Хант, – твоя девчонка первая нас пожалела. Первая из всех, кто тут проходил. И запустила часовой круг. Значит, она не простая.

– Она не простая, – закивала головой Эви, и льняные кудряшки запрыгали над ее плечами, – она совсем не простая. И если ты, Иоко, этого не видишь, значит, ты еще больший болван, чем мы думали.

Иоко вздохнул и пробормотал, что разговаривать с призраками очень плохая примета – и даже просто глупость. Он закатал штанину, осмотрел рану, которая оказалась большой и длинной, и попросил меня достать воды из колодца.

– Попробую промыть водой призраков, что ли. На мне все быстро заживает, и не такое бывало.

– А что бывало? – тут же поинтересовалась я.

– Не помню. Спроси у детей, есть ли у них ведро, чтобы начерпать воды.

– Да сколько угодно ведер! Раньше тут был невольничий двор, а наверху жили хозяева. У них были ведра из серебра, а такие не портятся никогда, – пояснил Хант и кинулся куда-то в темный проем сбоку от колодца.

Я огляделась. Синяя трава разрослась так густо, что полностью скрыла под собой камни двора. Она ползла по стенам, цеплялась за остатки окон, выглядывала из разрушенных дверных проемов. Мне стало интересно – как этот город выглядел в то время, когда был обитаем?

Я спросила об этом у прибежавшего Ханта, тот махнул рукой, в которой держал небольшое ведерко, пожал плечами и сказал, что город был большой и многолюдный.

– Вечно толпы людей, всегда жарко, все воняют и ругаются. Это был плохой город. – Хант поморщился, мотнул ушастью головой и кинулся к колодцу.

– Интересно, как он наберет воду? Веревки-то нет, – удивилась я.

– Это же призраки, у них на самом деле много всего припасено, – заверил меня Иоко, – сейчас увидишь.

И я увидела.

Хант отвалил огромный камень у основания колодца, и под ним оказался тайничок. Я смогла заметить рукоять кинжала, несколько стрел, сложенный старый-престарый плащ, золотые монеты и еще много всяких интересных

вещичек. Видимо, дети в свое время собрали их, бродяжничая по городу. Только кому сейчас нужны монеты в этом несуществующем городе? Что на них купишь?

Мальчишка вытянул веревку, привалил камень обратно и, нисколько не беспокоясь о том, что выдал нам с Иоко свою «сокровищницу», привязал веревку к дужке ведра.

Совсем скоро у нас была вода.

– Ее можно пить, она чистая, – заверил меня Хант и демонстративно отхлебнул из ведра.

Иоко только скептически усмехнулся, а я вздохнула.

– Ладно, давай сюда воду, – распорядился Иоко, – и набери сухой травы и веток. Другими словами – что-нибудь, чтобы можно было разжечь костер.

– Вы разведете костер? Здорово! Мы уже тысячу лет не видели костра! – Хант довольно подпрыгнул, а Эви заулыбалась.

– Ну, Эви, пошли, давай соберем веток для костра. Я знаю, где стоят сухие деревья. Это в саду нашего хана, где гуляли его невольницы. Там сухих деревьев – что травы в поле. У нас такой будет костер! Такой костер!

Хант ускакал в один из полуразрушенных проемов, и Эви последовала за ним, довольно улыбаясь.

Я посмотрела, как Иоко кривится, смывая кровь с раны, тоже поморщилась и предложила свою помощь.

– У меня есть хорошее лекарство, оно помогает. Бетадин называется. Это такой йод, но он не щиплет и быстро заживляет раны. Давай помогу, хочешь?

– Ну, если не боишься крови, то помогай. В этих местах почему-то не растут травы, которыми я обычно пользуюсь для заживления ран.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/enal_varvara/karta-ioko

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)